

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

8
1978

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

фан

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

8

1978

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филос. наук М. Б. БАРАТОВ, доктор филос. наук Н. Г. ГАИБОВ, доктор филол. наук М. К. КОШЧАНОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. филос. наук Г. Ю. ШАЮСУПОВА, Б. И. КНОПОВ
(*отв. секретарь*)

*Адрес редколлегии: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70 Телефон
ответственного редактора 32-73-52.*

Редактор *И. Маркман*
Технический редактор *Л. Тюрина*

Сдано в набор 7/VII-78 г. Подписано к печати 24/VII-78 г. P08430. Формат 70×109¹/₂ мм. Бумага-
типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 5,6.
Тираж 1689. Заказ 149. Цена 40 к.

Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: 700047, ул. Гоголя, 70.

© Издательство «Фан» УзССР, 1978 г.

Нормы Основного Закона — в жизнь!

Ф. Б. КАПИТУЛЬСКАЯ

**ТРУД — ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ**

В материалах XXV съезда КПСС подчеркивается, что одним из величайших завоеваний советского народа является утверждение качественно нового, социалистического образа жизни. Всемерное укрепление и совершенствование его — главная забота партии и народа. Как указано в резолюции XIX съезда Компартии Узбекистана по Отчетному докладу ЦК КПУз, «задача партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, всех работников идеологического фронта — последовательно и настойчиво утверждать социалистический образ жизни»¹.

Глубокая и всесторонняя разработка сложного комплекса проблем социалистического образа жизни находится в центре внимания советских ученых-обществоведов. Теоретическая и практическая значимость исследований, непосредственно связанных с социалистическим образом жизни и его совершенствованием, исключительно велика, тем более, что вопрос о социалистическом образе жизни, его преимуществах перед буржуазным образом жизни является предметом острой идеологической борьбы на международной арене.

В Отчетном докладе ЦК КПУз XIX съезду Компартии Узбекистана кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов подчеркнул, что «наши успехи в значительной мере зависят от того, насколько ярко и убедительно мы... утверждаем и пропагандируем советский образ жизни»².

Образ жизни — это определенный способ жизнедеятельности людей, целостная система ее форм, складывающихся в процессе производства, общественно-политической сфере и в быту.

Таким образом, структура любого образа жизни, в том числе социалистического, определяется тремя основными компонентами, сферами бытия человека:

1) трудовая деятельность, формы ее социальной организации, ее социальная значимость в данном обществе, роль и место в жизни людей, развитии их личности;

2) формы участия людей в общественно-политической и культурной жизни, управления общественными делами, степень их социальной активности, формы присвоения тех или иных культурных ценностей;

3) быт, производственная сфера жизни человека, где он удовлетворяет свои материальные и культурные потребности, воспроизводит свои силы.

¹ «Партийная жизнь», Ташкент, 1976, № 2, с. 61.

² Там же, с. 33.

Системный подход к образу жизни требует выявления диалектической взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности между основными элементами структуры; он предполагает также выделение наиболее существенных, определяющих элементов, сторон образа жизни.

Классики марксизма-ленинизма научно обосновали положение о том, что в основе социальной жизни людей во всех ее проявлениях лежит трудовая деятельность, труд — основной вид жизнедеятельности человека, детерминирующий все иные проявления его социальной жизни.

В процессе трудовой деятельности человек опредмечивает себя, ибо цель трудовой деятельности заключается в том, чтобы изменить предмет природы, придать ему качества и свойства, нужные человеку. Для этого необходимы знание основных свойств предмета и умение изменить его. Следовательно, способности человека, его знания, навыки, интеллект, физические и нравственные силы, волевые и эмоциональные качества — все, что характеризует внутренний, духовный мир личности, — опредмечивается, объективируется.

Итак, трудовая деятельность есть процесс, в ходе которого реализуется и совершенствуется личность, формируются социальные связи, общественные отношения людей. Поэтому труд выступает главной, специфически человеческой формой деятельности. К. Маркс показал, что жизнь человека неотъемлема от его деятельности, и труд выступает не только как средство жизни, но и как способ существования человека, его сущность.

Из марксистско-ленинского учения о труде следует вывод о необходимости превращения труда из средства существования, каким он выступает в антагонистических формациях в качестве отчужденного труда. — в смысл жизни, первую жизненную потребность, главное и решающее средство всестороннего развития личности.

В. И. Ленин творчески развил и конкретизировал эти идеи основоположников марксизма, разработал учение о коммунистическом труде как труде бесплатном, свободном, добровольном, ненормированном, осуществляемом как внутренняя потребность индивида³. Классики марксизма-ленинизма убедительно показали, что чем выше уровень развития человека, тем больше его потребность в творческом труде как специфически человеческом источнике наслаждения и радости, средстве самовыражения личности.

Отношение человека к труду, производственной деятельности служит важнейшей характеристикой любого образа жизни. Поэтому марксистская социология выделяет трудовую деятельность человека как определяющий, сущностный структурный компонент и главную характеристику образа жизни.

Буржуазные же социологи ограничивают понятие образа жизни сферой досуга людей. С их точки зрения, человек «живет» лишь после работы, только здесь он «свободен», а на работе он вынужден добывать средства к жизни. Поэтому определяющим критерием образа жизни они провозглашают потребление и отождествляют образ жизни с «уровнем» или «стандартом» жизни. Это упорное нежелание (или неспособность) признать тот объективный факт, что именно производство, характер производственных отношений, экономический базис общества обуславливают формы жизнедеятельности людей, равно как и

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 315; т. 33, с. 187, и др.

тип общения между ними, имеет не только классовые, но и гносеологические корни.

В обществе, основанном на частной собственности, угнетении и эксплуатации человека человеком, труд превращается в наказание и проклятие, он отчужден от работника, навязан ему извне, как отчужден от производителя и продукт, результат его труда, который принадлежит капиталисту. Отчужденный труд, сущность которого глубоко раскрыта основоположниками марксизма-ленинизма, лежит в основе буржуазного образа жизни. Он создает антагонизм между рабочим и свободным временем, и эта объективно существующая противоположность служит гносеологической предпосылкой той извращенной трактовки образа жизни, которую дают буржуазные социологи.

Итак, в основе буржуазного образа жизни лежат отчужденный труд и те частнособственнические отношения, которые, в конечном счете, порождены им. Здесь отчужденный от работника труд служит исключительно источником заработка, лишь средством жизни, которое дает работнику возможность «жить» в свободное время.

Капитализм по своей природе не может подчинить развитие производительных сил, производства целым всестороннему развитию и совершенствованию человека. В силу законов капиталистического производства, в погоне за максимальной прибылью он стремится привить человеку негуманные потребности, связанные с низменными инстинктами. В основе таких неотъемлемых черт современного буржуазного общества, как всеобщая разобщенность, разъединенность и враждебность людей, лежит отчуждение труда. Оно является основой денежного фетишизма, бездуховности, господства мира вещей над человеческим миром, человеческими связями и отношениями. Отчуждение труда в его крайних формах, характерных для современного капиталистического производства, приводит, в конечном счете, к поспоранию элементарных норм нравственности, небывалому росту организованной преступности, постоянному страху и неуверенности людей в завтрашнем дне, массовым психическим расстройствам, наркомании среди молодежи и прочим «прелестям» буржуазного образа жизни.

В социалистическом обществе труд обретает качественно иную значимость, принципиально новый смысл, ибо здесь он становится не только средством материальной жизни людей, но и условием подлинно человеческого существования личности, ее свободного, всестороннего развития.

Активное, творческое участие в свободном, коллективном, общественно полезном труде — и неотъемлемое право, и почетная обязанность всех членов социалистического общества, каждого советского гражданина, на что прямо указывают специальные статьи новых Конституций СССР, УзССР и других союзных и автономных республик. Так, в ст. 38 Конституции Узбекской ССР говорится: «Граждане Узбекской ССР имеют право на труд — то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, — включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей».

Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства».

А ст. 58 Основного Закона республики подчеркивает: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина Узбекской ССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества».

Социализм определяют как коллективистский общественный строй. Это означает не только уничтожение частной собственности и установление общественной, коллективной собственности на орудия и средства производства, но и то, что материальное производство здесь осуществляется в интересах всего общества. Эта особенность характеризует саму сущность социализма как общественно-экономической формации и проявляется в образе жизни, основанном на отношениях товарищества, сотрудничества, подлинного коллективизма. Конституция СССР характеризует развитое социалистическое общество «как общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех»⁴.

Новые советские Конституции проникнуты ленинской заботой о благе советского человека, всестороннем развитии его личности, раскрытии всех его творческих способностей и дарований. Так, в ст. 15 Конституции СССР (ст. 15 Конституции УзССР) говорится: «Высшая цель общественного производства при социализме — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей.

Опираясь на творческую активность трудящихся, социалистическое соревнование, достижения научно-технического прогресса, совершенствуя формы и методы руководства экономикой, государство обеспечивает рост производительности труда, повышение эффективности производства и качества работы, динамичное, планомерное и пропорциональное развитие народного хозяйства».

Ст. 20 Конституции СССР подчеркивает: «В соответствии с коммунистическим идеалом «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности» (см. также ст. 20 Конституции УзССР).

Как видим, эти положения возводят в ранг конституционных норм ряд важнейших черт социалистического образа жизни.

Социалистическому образу жизни присущи также единство интересов в борьбе за общее дело, товарищеская солидарность, коллективизм и взаимопомощь, которые выступают как нормы отношений между классами и людьми, нациями и расами. Поэтому важной характеристикой социалистического образа жизни является социальный оптимизм. «Каждый человек, — говорил Л. И. Брежнев, — хочет быть уверенным в своем завтрашнем дне, в устроенном будущем своих детей. У нас созданы условия для удовлетворения этих социальных потребностей. Это огромное завоевание социализма»⁵.

Коллективность как основа социалистической собственности порождает коллективный характер труда, и общий интерес проявляется на различных уровнях жизнедеятельности советских людей, в разных сферах жизни. Подчеркивая органическую связь между коллективиз-

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 4.

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., 1970, с. 70—71.

мом и социалистическим образом жизни, Л. И. Брежнев указывал: «Развитой социализм — такая стадия зрелости нашего общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах, которая ведет, в конечном счете, к утверждению нового, социалистического образа жизни»⁶.

В социалистическом образе жизни коллективность выступает не только в форме товарищеского сотрудничества и взаимной помощи, но и в таких идеологических и нравственных нормах, как интернационализм, патриотизм, дружба, братство и т. д. Одно из важнейших проявлений коллективизма в сфере трудовой деятельности — социалистическое соревнование — антипод конкуренции.

Социалистический образ жизни — это новая система человеческих взаимоотношений, которые находят наиболее полное выражение в социалистическом соревновании, особенно в движении за коммунистическое отношение к труду.

Социализм отвергает частное предпринимательство и капиталистическую конкуренцию как состязательность, которую буржуазные идеологи объявляют единственно возможной и всеобъемлющей формой проявления активности и инициативы человека в обществе. Для того, чтобы деятельная энергия и инициативность, свойственные людям, могли полностью проявиться в труде, чтобы трудовая деятельность стала ареной активного стремления человека к самовыражению и самутверждению, необходимо такое переустройство общества, которое создало бы реальные условия для проявления этого стремления, этой активности. В. И. Ленин указывал, что формой реализации творческой активности масс является социалистическое соревнование. Он показал, что конкуренция есть соревнование в зверских, нечеловеческих формах⁷, что в условиях империализма конкуренция означает «неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства ее»⁸. «Социализм, — писал В. И. Ленин, — не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применять его действительно широко, действительно в массовом размахе, втянуть действительно большинство трудящихся в арену такой работы, где они могут проявить себя, вернуть свои способности, обнаружить таланты...»⁹

В основе социалистического соревнования лежит не только достижение общего интереса в области производства общественного продукта. Будучи активной формой проявления коллективности, социалистическое соревнование воздействует на такие параметры социалистической личности, как инициативность и творчество, чувство ответственности и самодисциплина, взаимопомощь, требовательность к себе и т. д., которые находят комплексное выражение в понятии «коммунистическое отношение к труду». Формируясь в процессе социалистического соревнования, эти характеристики личности проявляются во всех сферах бытия человека и оказывают влияние на образ жизни, его совершенствование, на перерастание социалистического образа жизни в коммунистический.

Определяющим моментом в формировании и совершенствовании социалистического образа жизни служит рост коммунистических начал в труде. Коммунистический труд — труд как высшая жизненная потреб-

⁶ «Правда», 1977 г., 5 октября.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 151.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

⁹ Там же.

ность, как главная арена формирования и развития человека — вырастает на основе социалистического как результат глубоких изменений в технической базе производства под воздействием современной научно-технической революции, изменений, которые ведут к повышению функционального содержания труда, т. е. к вытеснению функций тяжелого физического, монотонного, репродуктивного труда, не требующего от работника творческих усилий и поиска, а также под влиянием широкого комплекса социально-экономических преобразований. Как указано в ст. 21 Конституции СССР и аналогичной статье Конституции УзССР, «государство заботится об улучшении условий и охране труда, его научной организации, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства».

Решение этих актуальных проблем — одна из важнейших задач социалистического соревнования трудовых коллективов, движения рационализаторов, изобретателей, новаторов производства.

Высшей формой соревнования, адекватной развитому социализму, стало движение за коммунистическое отношение к труду, которое выступает мощным фактором решения важнейших практических задач коммунистического строительства. Высшей формой это движение делает то, что оно не ограничивается производственной сферой, а охватывает и другие сферы жизни, рождая и развивая «ростки коммунизма», связывая воедино труд, учение и быт, оказывая активное влияние на все стороны жизни и деятельности человека. Оно стимулирует стремление работников повышать свои технические и культурные знания, ускоряет процесс формирования новых отношений на производстве и в быту и служит действенным фактором утверждения и развития социалистического образа жизни. Коллективы коммунистического труда практически реализуют требования партии, направленные на повышение роли производственных коллективов в совершенствовании общественных отношений и воспитании нового человека.

Подчеркивая огромное значение трудовых коллективов в обществе развитого социализма, Конституция СССР (ст. 8) гласит: «Трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение».

Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование, способствуют распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации» (см. также ст. 8 Конституции УзССР).

«Непроизводственные аспекты» (в обязательствах участников движения за коммунистическое отношение к труду, как известно, включаются пункты о повышении квалификации, учебе, участии в общественной жизни и т. д.) наглядно выражают комплексный характер всех функций этого движения: экономико-производственной, социальной и воспитательной.

О том, что соревнование выполняет не только экономическую, но и социально-воспитательную функцию, свидетельствуют и данные кон-

кретных исследований. Так, выборочный анализ социалистических обязательств и обязательств коллективов коммунистического труда ряда предприятий показал, что в 1965 г. от 11 до 15% всех пунктов были направлены на решение воспитательных задач, а в 1971 г. — уже от 17 до 38%¹⁰. На вопрос: «Какие черты характера воспитываются у рабочего в ходе соревнования?» — 68% опрошенных указали преданность делу коммунизма, 59% — коллективизм, 38% — честность и скромность¹¹ и т. д.

За сравнительно короткий срок движение за коммунистическое отношение к труду охватило все отрасли материального производства и непроизводственную сферу. Оно объединяет свыше 53 млн. человек, или более половины всех соревнующихся. 25,7 млн. человек носят высокое звание ударника коммунистического труда.

Широкое распространение получило это замечательное движение масс в Узбекистане — в нем участвуют более 1,5 млн. рабочих и служащих республики; 37 тыс. бригад, 599 цехов и участков, 276 предприятий Узбекистана носят высокое звание коллективов коммунистического труда; свыше 550 тыс. тружеников Узбекистана — ударники коммунистического труда.

В этом движении, в многочисленных трудовых починах масс находит наиболее полное выражение глубокая заинтересованность трудящихся в делах и судьбах страны, ставшая неотъемлемой чертой социалистического образа жизни.

В движении за коммунистическое отношение к труду мы зримо видим, как труд превращается в средство самоутверждения личности, ее социализации, активного выполнения своего общественного долга. Это проявляется в массовых случаях добровольного перехода передовиков в отстающие бригады, в широком развитии движения наставников, в ежегодно проводимых Всесоюзных коммунистических субботниках, посвященных дню рождения В. И. Ленина, и многих других замечательных делах советских людей, для которых труд стал делом чести и славы.

Выражая волю и чувства советского народа, Основной Закон Страны Советов (ст. 14) гласит: «Источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей.

В соответствии с принципом социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления...

Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека» (см. также ст. 14 Конституции УзССР).

Так сбывается гениальное предвидение К. Маркса о превращении труда в основную сферу жизнедеятельности человека, где формируются его сущностные силы, способности и таланты, социальные, нравственные и волевые качества. Этот процесс и лежит в основе становления и дальнейшего совершенствования социалистического образа жизни советских людей, его перерастания в коммунистический образ жизни.

¹⁰ Смольков В. Г. Социалистическое соревнование в условиях развитого социализма. М., 1974, с. 142—143.

¹¹ Там же, с. 143.

У. С. СЫДИКОВ, М. М. ГАЙИБНАЗАРОВ

К ВОПРОСУ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ УзССР

Рациональное использование трудовых ресурсов в масштабе отдельных регионов во многом зависит от планомерности их распределения. Распределение и использование трудовых ресурсов в Узбекистане имеют свои особенности. Они объясняются высоким естественным приростом населения, малой мобильностью сельских жителей коренных национальностей, ранним вступлением девушек в брак, многодетностью семей и т. д.

Существенное влияние оказывает также наличие, с одной стороны, густонаселенных районов (Ферганская долина, Хорезмская область), а с другой, — малообжитых земель нового освоения (Джизакская, Голодная, Каршинская, Сурхан-Шерабадская степи, низовья Амударьи и т. д.).

Как видно из табл. 1, в первой группе областей обеспеченность сельскими трудовыми ресурсами в целом выше, чем во второй, но валовой продукции сельского хозяйства в расчете на одного человека трудоспособного возраста там производится меньше. Значит, в первой группе областей трудовые ресурсы используются менее эффективно, чем во второй.

За 1965—1976 гг. уровень использования трудоспособных колхозников по областям Узбекистана почти не изменился (табл. 2). В Сурхандарьинской, Кашкадарьинской, Андижанской, Наманганской областях этот показатель значительно ниже, чем в других районах республики. Согласно приведенным данным, для изучаемого периода характерно также все большее снижение уровня использования работников, привлеченных со стороны.

Как известно, в условиях развитого социализма движение трудовых ресурсов осуществляется на основе закона перемены труда. Различаются движения, связанные с переменной места работы или сферы занятости, внутри либо между предприятиями одной или разных отраслей, а также с изменением качественной характеристики рабочего (профессиональной принадлежности, уровня квалификации) и т. д.

Процессы перемены труда осуществляются по каналам перераспределения как специфические формы регулирования с помощью экономических, правовых, организационно-административных и других рычагов. Перемена труда может регулироваться обществом через систему планирования, а также с помощью других факторов (например, условий труда и жизни, связанных с тем или иным местом работы). Роль этих форм регулирования особенно велика в районах нового освоения, испытывающих постоянный дефицит трудовых ресурсов.

Одна из наиболее эффективных форм планомерно-территориального распределения сельских трудовых ресурсов — переселение. Оно

проводится на основе полной добровольности, в соответствии с государственным планом, определяющим его размеры, места выхода и вселения, выделение необходимых ассигнований для устройства и закрепления семей переселенцев.

За последние годы в связи с освоением крупных целинных массивов в Узбекистане возрос удельный вес межобластного переселения. Согласно данным Госкомитета Совета Министров УзССР по использованию трудовых ресурсов за 1971—1975 гг., в хозяйства Голодностеп-строа было переселено 5711 семей из Андижанской, Наманганской, Ферганской, Самаркандской областей. За 1970—1973 гг. в Сурхандарьинскую степь переехало 3953 семьи. Из года в год повышается

Таблица 1

Плотность населения, обеспеченность трудовыми ресурсами и уровень их использования в сельской местности УзССР в 1975 г.*

Области	Число жителей на 1 км ² к январю 1977 г.	Число трудоспособных, человек			Валовая продукция сельского хозяйства на 1 трудоспособного, руб.
		на 100 га сельхозугодий	на 100 га пашни	на 100 га посеянных площадей	
I группа					
Андижанская	307,7	81	153	153	1407
Ферганская	230,4	80	144	144	1314
Наманганская	133,4	59	140	139	1375
Хорезмская	153,0	51	125	126	1467
Ташкентская	219,5**	53	112	112	1785
Итого	205,0	64	133	133	1480
II группа					
Самаркандская	67,5	23	90	89	1496
Сурхандарьинская	39,8	21	100	105	1821
Сырдарьинская	80,4	4	55	53	2163
Джизакская	21,7	11	31	32	1943
Кашкадарьинская	35,3	14	57	63	1450
Бухарская	8,2	2	129	128	1653
Каракалпакская АССР	5,1	5	75	78	1719
Итого	15,6	8	71	74	1664
Всего	32,4	14	62	94	1575

* Рассчитано по данным юбилейного статистического ежегодника „Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти“. Ташкент, 1977, с. 85, 87, 98, 106.

** Включая г. Ташкент.

коэффициент закрепляемости новоселов. Если в 1966—1970 гг. он составлял в среднем 67,8%, то в 1971—1975 гг. — 86,6%.

Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. предусматривается дальнейшее расширение площади поливных земель в Голодной, Джизакской, Каршинской и Сурхан-Шерабадской степях, Зарафшанской долине и низовьях Амударьи. Здесь намечается ввести в оборот 462 тыс. га новых площадей и, кроме того, 30 тыс. га — за счет внутренних возможностей колхозов.

Для обеспечения этих массивов рабочей силой необходимо планомерное территориальное перераспределение трудовых ресурсов, особенно молодежи, из Андижанской, Ферганской, Наманганской, Хорезмской областей.

В настоящее время в территориальном перераспределении сельского населения имеют первостепенное значение в основном две группы факторов — экономические и этнографические.

Как известно, экономические факторы зависят от территориальных различий в возможности трудоустройства, размерах заработной платы, доходов, жилищных условиях, уровне культурно-бытового обслуживания и т. д. К этнографическим факторам относятся различия в языке, бытовых привычках, навыках, родственных связях и др. Эти моменты должны быть учтены при территориальном перераспределении сельского населения.

Таблица 2

Уровень занятости колхозчиков и лиц, привлеченных на сельскохозяйственные работы*

Области	Число отработанных человеко-часов							
	из трудоспособного колхозника				из привлеченного на сельхозработы**			
	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1976 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1976 г.
I группа								
Андижанская	203	214	202	202	28	21	22	22
Ферганская	211	219	214	221	24	16	17	13
Наманганская	—	219	210	207	—	27	24	18
Хорезмская	234	224	217	210	24	17	11	12
Ташкентская	198	208	223	222	12	67	64	77
Итого	109	218	212	212	22	15	13	13
II группа								
Самаркандская	182	200	207	219	17	10	17	17
Сурхандарьинская	207	200	195	191	6	5	6	6
Сырдарьинская	216	248	252	251	10	6	7	6
Джизакская	—	—	221	221	—	—	8	5
Кашкадарьинская	201	218	203	199	11	8	9	9
Бухарская	243	233	224	224	26	31	26	37
Каракалпакская АССР	239	237	235	230	18	13	9	10
Итого	210	217	213	214	18	13	16	17
Всего	210	217	212	214	20	15	14	15

* Составлено по сводным годовым отчетам колхозов за соответствующие годы.

** В среднегодовом исчислении.

Следует заметить, что в организации переселения сельского населения во вновь осваиваемые районы еще имеется много недостатков. В некоторых колхозах и совхозах не создаются необходимые условия для наиболее благоприятного жилищно-бытового устройства переселенцев, не хватает детских и других культурно-бытовых учреждений. Это снижает процент закрепляемости новоселов и приводит к другим отрицательным последствиям.

В процессе освоения крупных целинных массивов все больше внимания уделяется качеству рабочей силы, профессиональным навыкам работников. В этой связи необходимо развернуть сеть техникумов, сельских профессионально-технических училищ, готовящих рабочих массовых профессий для целинных совхозов.

Рационализация процессов территориального перераспределения трудовых ресурсов требует усиления подготовки квалифицированных работников из молодежи густонаселенных сельских местностей и направления их во вновь осваиваемые районы республики.

Одно из важнейших преимуществ социализма — тесная связь личной заинтересованности работников производства с интересами общества в целом. При распределении и перераспределении трудовых ресурсов должен максимально соблюдаться принцип сочетания личных и общенародных интересов. Основной упор надо делать на создание социально-экономических предпосылок закрепления новоселов в местах вселения.

Подчеркивая растущую потребность в рабочей силе, особенно в отдаленных районах, Л. И. Брежнев указывал на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС: «Фактору трудовых ресурсов, экономному их использованию нужно больше уделять внимания при составлении проектов капитального строительства. Для привлечения и закрепления кадров, особенно в отдаленных районах, важно проявлять больше заботы о жилье, условиях труда и быта людей»¹.

Быстрое возмещение затрат, вложенных в переселение, обеспечивается в результате расширения объемов производства, повышения производительности труда и снижения издержек производства продукции, что обуславливает создание прибавочного продукта и значительных накоплений.

Народнохозяйственная целесообразность переселения определяется не только высокими экономическими результатами в местах вселения, но и тем народнохозяйственным эффектом, который получается благодаря более производительному использованию рабочей силы, оставшейся в районах, откуда были переселены трудовые ресурсы.

Современный уровень развития социалистического общества требует создания единой государственной системы распределения трудовых ресурсов, включая профессиональную ориентацию и профессиональный отбор, которая гарантировала бы максимально возможный учет всех особенностей и возможностей каждого члена общества при выборе им профессии и места работы. Только на этой основе можно добиться высоких темпов роста производительности труда и рационального использования трудовых ресурсов. Ныне лишь часть этих функций выполняют Государственный комитет по использованию трудовых ресурсов и Государственный комитет по профтехобразованию при Совете Министров Узбекской ССР и их подразделения на местах.

Таким образом, опыт исследования распределения и эффективного использования трудовых ресурсов в республике и отдельных ее районах свидетельствует о необходимости более рационального их распределения путем перемещения части населения на вновь осваиваемые земли и создания благоприятных социально-экономических и организационных условий для эффективного использования сельских трудовых ресурсов.

У. С. Сидиқов, М. М. Фойибназаров

**ЎЗБЕКИСТОН ҚИШЛОҚЛАРИДА МЕҲНАТ РЕСУРСЛАРИДАН
ЭФФЕКТИВ ФОЙДАЛАНИШ**

Мақола Ўзбекистон қишлоқларида қўриқ ерларни очишда меҳнат ресурсларидан фойдаланишдек актуаль иқтисодий масалага бағишланади.

¹ «Правда», 1976 г., 26 октября.

А. А. АСКАРОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ

Территория современного Узбекистана богата памятниками материальной культуры различных исторических эпох. Начало их изучения относится ко второй половине XIX в., однако систематические научные исследования в государственном масштабе стали возможны лишь в советский период.

Первые специализированные и комплексные экспедиции в республике были созданы в 30-е годы. С каждым годом археологические изыскания в Узбекистане обретали все больший размах. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР занималась изучением памятников от поры каменного века до развитого средневековья. В этом же направлении работали и ряд других крупных комплексных экспедиций.

История Хорезма с древнейшей поры до наших дней плодотворно изучается Хорезмской археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР; на территории древней Ферганы широкие археологические изыскания ведут Ферганская экспедиция Государственного Эрмитажа и экспедиция ЛОИА АН СССР; большие стационарные исследования на юге Узбекистана осуществляют экспедиция Института искусствознания Министерства культуры УзССР, Бактрийская экспедиция ЛОИА АН СССР, объединенная экспедиция Государственного Эрмитажа, Музея искусств народов Востока и Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации Министерства культуры СССР. Памятники Ташкентской и Кашкадарьинской областей исследуются кафедрой археологии ТашГУ им. В. Л. Ленина; проблемы каменного века Узбекистана разрабатываются кафедрой археологии СамГУ им. А. Навои.

Полученные материалы проливают свет на многие сложные процессы исторического прошлого народов Средней Азии, в частности Узбекистана.

В ходе археологических раскопок и разведок установлено широкое заселение территории Узбекистана в эпоху палеолита, мезолита и неолита; выявлены местные корни происхождения культур и их локальные особенности; изучены хозяйство и быт первобытных охотников, наскальные изображения, представляющие бесценные памятники первобытного искусства.

Обильный фактический материал позволил внести существенные дополнения в разработку археологической периодизации с более детальным хронологическим расчленением всего каменного века.

Комплексные исследования древних шахт, мастерских и стоянок в сочетании с экспериментальным моделированием процессов добычи и расщепления сырья позволили проследить этапы совершенствования

первобытной техники и ее роль в развитии производительных сил первобытного общества на территории Узбекистана.

Проведенные в последние годы исследования показали, что уже с эпохи позднего мезолита на территории Узбекистана выделались две хозяйственно-культурные зоны, в значительной мере определившие дальнейшее развитие местных племен. На базе материалов памятников южной зоны (Мачай) прослежены пути формирования производящей экономики на основе одомашнивания животных (овцы, козы, коровы), тогда как община северной зоны (Хорезм) еще долгое время оставалась на стадии присвояющего охотничьего хозяйства.

Вместе с тем следует отметить, что при довольно широкой изученности в Узбекистане памятников мустьерского периода объекты верхнего палеолита и особенно мезолита выявлены очень слабо. Некоторые мезолитические регионы, имеющие тенденцию выделения в самостоятельные культуры (Мачай, Кушилиш и др.), представлены лишь одним памятником. Поэтому поиск и изучение мезолитических, неолитических памятников в республике остается одним из важнейших перспективных направлений. Это позволит выявить истоки мезолитических культур, преемственность между верхним палеолитом и мезолитом, неолитом и культурами бронзового века, продолжить изучение типов хозяйства, зачатки которых обнаружены в Мачае.

Развитие хозяйства производящего типа на территории Узбекистана впервое удалось отчетливо проследить на примере раннесуарганских памятников и культуры Заманбаба. Однако наиболее яркий материал в этом плане получен при изучении памятников эпохи бронзы на юге Узбекистана. Он показал, что в эпоху бронзы хозяйство производящего типа приобретают совершенно новое содержание, нежели при мезолите. Их отличает комплексное развитие производящей экономики, основанной на земледелии и скотоводстве, с одной стороны, и зональное разделение хозяйственно-культурных регионов на общины степных скотоводов и оседлых земледельцев, — с другой.

Археологические изыскания свидетельствуют, что в конце III — начале II тыс. до н. э. в истории племен Средней Азии начинается новый этап, ознаменованный большими изменениями социально-экономического порядка. Так, сплошные раскопки на Сапаллитепа и Джаркутане показали, что на юге Узбекистана тогда сложился новый очаг древнего земледелия в лице сапаллинской культуры.

Сложная оборонительная система в сочетании с глубокой традицией строительной-планировочных приемов на Сапалли представляет яркий образец раннегородских элементов на территории Узбекистана, своего рода прототип укрепленной квадратной крепости Вары, известной по авестийской традиции.

Исследование объектов высокоразвитых культур древних земледельцев на юге Узбекистана и севере Афганистана позволили выделить новый, приамударьинский локальный очаг древневосточного типа, находящийся в тесном контакте с рядом древнеземледельческих центров в зоне между городскими цивилизациями Шумера и Элама, с одной стороны, и цивилизацией долины Инда, — с другой. На базе большого фактического материала разработана археологическая периодизация памятников эпохи бронзы юга Узбекистана с детальным хронологическим расчленением ее; выявлен местный пласт, явившийся недостающим звеном в цепи развития культур ряда областей Узбекистана и послуживший базой для формирования более поздней городской культуры арханческой и античной эпох. Это отмечает ранее бытовавшую точку зрения о привнесении из Ирана характере городской

цивилизации ряда областей Узбекистана середины и второй половины I тыс. до н. э.

В связи с исследованиями нового центра высокоразвитых культур на юге Узбекистана в повестку дня встал вопрос о пересмотре времени сложения своеобразной заманбабинской культуры в низовьях Зарафшана во второй половине II тыс. до н. э.

Хорезмской археолого-этнографической экспедицией установлено сложение на территории Хорезма в первой половине II тыс. до н. э. суярганской, а позднее — тазабагъябской культуры, широко распространившейся во второй половине II тыс. до н. э. и в низовьях Зарафшана. Культура племен андроновско-тазабагъябского типа, распространенная в большей части северных и северо-восточных районов Средней Азии, встречается, в частности, в Северной Фергане, в Кайракумах. Погребения и развешенные стоянки этого типа выявлены также в Ташкентской, Самаркандской и Кашкадарьинской областях вплоть до границы древнеземледельческих оазисов подгорной полосы Южного Туркменистана.

Несмотря на успехи в исследовании бронзового века, здесь еще остается немало «белых пятен». Так, открытия на Сапаллитепа позволили углубить наши познания о земледельческой культуре юга Узбекистана, однако в ней совершенно не выявлен местный генетический элемент. Между тем трудно представить, что культура эта целиком привнесена извне. Поэтому в перспективе важно определить это недостающее звено в истории раннебронзового века и выявить участие местных компонентов в формировании культур досапаллинского этапа.

Господствует также мнение о пришлом характере степных тазабагъябских племен в северных областях. Однако их широкое распространение в Средней Азии при отсутствии других синхронных культур заставляет искать местные корни, как это делает, например, для кайраккумской культуры Б. А. Литвинский. Особенно интересно проследить пути перехода огромного массива степного населения к оседлости, послужившего основой формирования земледельческой культуры третьего порядка — бассейна Сырдарьи. Эти материалы позволяют также исследовать малоизученный период распада первобытнообщинного строя и сложения классового общества.

Несколько неожиданно для этого времени появление культуры племен расписной керамики эпохи поздней бронзы в зоне высокоразвитых культур древневосточного типа, о чем свидетельствуют археологические работы на поселениях Кучуктепа, Миршади, Бандыхан-I на юге Узбекистана, подобно Тиллятепа в Северном Афганистане, комплексу Яз-I в Мургабском оазисе и т. д. Эта сложная историческая ситуация конца II — начала I тыс. до н. э. в Средней Азии связывается с расселением северных индоевропейских племен в зону распространения высокоразвитых культур древневосточного типа. Однако основу экономики синтетизированной культуры в значительной степени составлял местный древний пласт, который вскоре вновь обеспечил дальнейшее развитие племен данной зоны на базе древних хозяйственно-культурных традиций.

Археологические исследования позволяют выделить для архаического периода два крупных бассейна с характерными хозяйственно-экономическими комплексами и соответственно — две линии культурно-экономического развития. Первая характеризуется материалами бассейна Амударьи (Бактрия, Согд, Хорезм) и представляет высоко развитую городскую культуру, впитавшую хозяйственно-культурные

традиции оседлоземледельческой ойкумены древней Бактрии и Мургабского оазиса предшествующего времени.

Арханская и античная линия развития второго комплекса — бассейна Сырдарьи (Фергана, Чач, среднесырдарьинские районы) — в своей основе базируются на местных культурах эйлатанского и бургулюкского типов, представляющих синкретические комплексы скотоводческой и земледельческой культур со значительно развитыми скотоводческими традициями.

На первых этапах в них отмечаются архитектурно-строительные комплексы более легкого типа с постепенным освоением сырьевого кирпича и пахсы, лепная, преимущественно круглодонная, частично расписная керамика, слабо дифференцированное ремесленное производство, широкое использование зооморфных мотивов культового звучания в прикладном и изобразительном искусстве.

Наиболее высокий уровень культуры обнаруживается при исследовании памятников Северной Бактрии. Процесс урбанизации здесь проявляется с первой половины I тыс. до н. э. и достигает особого расцвета в античную эпоху.

Значительные успехи в исследовании отмеченного периода связаны с раскопками столицы Согда — городища Афрасиаб. История изучения этого памятника насчитывает свыше ста лет. Особенно широкие и плодотворные работы проведены в последнее десятилетие.

В результате археологических раскопок последних лет в ряде пунктов внешней четвертой линии оборонительного вала Афрасиаба, еще недавно относимой к VIII—IX вв. н. э., открыты древнейшие крепостные стены и фортификационные устройства VI—V вв. до н. э., перекрываемые античными стенами с внутренними коридорами. Исследование внешней стены городской округи Самарканда (Девори Кыемат) дает основание утверждать, что первичное возведение ее относится к позднеарханской или раннеантичной поре. Сопоставление современных археологических материалов с данными античных авторов о размерах Мараканды позволяет на реальной основе сделать вывод о локализации последней в пределах Самарканда.

Многочисленная керамика поры Афрасиаб-I, а также бронзовые наконечники стрел, орудия труда из металла и камня того же времени найдены не только на Афрасиабе, но и к югу от него, где раскрыта довольно плотная застройка (вдоль искусственного ирригационного сооружения) со следами ремесленного производства — металлообрабатывающего, ювелирного и др. Таким образом, и за пределами Афрасиаба застройка носит характер ремесленно-торгового предместья.

Открытие канала середины I тыс. до н. э., проходившего от Даргома к Афрасиабу, заставляет пересмотреть вопрос и о водоснабжении города. Вероятно, он получал воду с помощью канала, проведенного с юга, уже с первых этапов своего функционирования. Эту мысль подтверждают и следы древних водных протоков (возможно, каналов) на самом Афрасиабе.

Анализ керамического материала древнейших слоев Самарканда позволяет углубить его датировку вплоть до VII—VI вв. до н. э. и генетически связать с комплексами протогородских культур Северной Бактрии.

О возможности подобного пути формирования городов свидетельствуют и материалы городища Еркурган в Кашкадарьинской области, отождествляемого рядом исследователей с античной Наутакой. Еркурган даст уникальные материалы трансформации арханского поселения в крупный город VI—V вв. до н. э. Хорошая сохранность

непереотложенных наслоений позволяет проследить по плану руин целые комплексы с четкой социальной дифференциацией. Это дворцово-общественные, храмово-культовые объекты, жилые и ремесленно-производственные кварталы.

В целом на городище широко представлены этапы архаической и особенно античной эпох с развитыми формами фортификации, монументальной парадной архитектурой, ремесленным производством, находящие широкие аналоги в Северной Бактрии и Согде.

Особо следует остановиться на работах в Бухарском оазисе. Многолетними изысканиями в Бухаре выявлены древнейшие культурные наслоения середины I тыс. до н. э. Наслоения VI—IV вв. до н. э. зафиксированы на соперничавшем по древности с Бухарой Рамитане. На севере оазиса, в Кызылтепинском районе, открыто уникальное городище Ходжа-Бустан, представляющее бухарский аналог Еркургану. В его нижних слоях обнаружены культурные наслоения с лепной керамикой, близкой по облику к заманбабинской. Ее перекрывают напластования VI—IV вв. до н. э.

На границах Согда с кочевым миром открыт храмовый комплекс Сеталак (II—III вв. н. э.), напоминающий форму буддийской ступы.

Яркие материалы, свидетельствующие об оседании кочевников и формировании синкретической культуры в зонах контакта скотоводческих и земледельческих племен, обнаружены в бассейне Сырдарьи (Фергана, Чач, памятники средней Сырдарьи).

В Фергане курганные группы сочетаются с укрепленными замками, поселениями и крупными городищами типа Мархамата и Шурабашата.

Пристального внимания заслуживают материалы древнего Ахсикета — столицы Ферганы. Однако изучение его находится еще на начальном этапе. Самые ранние материалы с этого городища относятся пока ко II—I вв. до н. э.

Большой интерес приобретают исследования Кунгайского, Актанского, Суфанского, Урюкзарского курганных могильников, сочетающих в своих материалах черты скотоводческой и оседлоземледельческой культур.

Гораздо полнее изучены памятники Ташкентского оазиса. В последние годы здесь обнаружена целая группа поселений раннебургулюкской культуры (IX—VII вв. до н. э.) с однокомнатными жилищами-землянками, сочетающими жилые, хозяйственные и производственные функции. Комплекс находок включает лепную круглодонную керамическую посуду, набор каменных и бронзовых орудий труда. Эта культура осевших на землю скотоводов сочетается с продолжающейся кочевой жизнью другой части сакских племен, оставивших после себя погребальные курганы.

Наиболее значительный земледельческий пласт в этой контактной зоне выявлен для поры античности; он связывается с каунчинской культурой. Для нее характерны монументальная архитектура и груболепная плоскодонная керамика с сильными скотоводческими традициями.

В этот период формируется ряд городских центров, в том числе городище Канка площадью более 150 га с развитой системой фортификации и цитаделью. Интенсивно развивается сплошная ирригационная сеть, насчитывающая несколько десятков магистральных каналов только по системе Чирчика.

В городской культуре Чача мы сталкиваемся с различными путями формирования городов, отразившимися в их планировании. Наря-

ду с крупными городами с монументальной фортификацией и плотной застройкой, вырвавшимися в центре оазиса и на магистральных караванных путях, мы встречаем и иной тип городов, формирующихся на границе с кочевыми районами. Для него характерны относительно разреженная застройка и нечеткая планировка уличной сети. Исследование городов Чача, входивших в состав Кангюя, дает богатый материал для изучения этого крупного государства античной Средней Азии.

Особое место в истории среднеазиатской античности занимает Хорезм, где общая площадь оазиса в бассейне Амударьи и Сырдарьи составляла почти 4 млн. га. Здесь открыты городища Кюзалигыр, Калалыгыр, Дингильдже, Койкрылганкала, представляющие мощный очаг своеобразной хорезмийской земледельческой культуры с искусственным орошением, развитой фортификацией, парадными комплексами загородных построек и сложной системой культурно-погребальной архитектуры. Прослеживаются тесные связи данной зоны с южным очагом земледельческой культуры Узбекистана и Туркмении. Широкое изучение районов правобережного и левобережного Хорезма позволяет воссоздать историю формирования сельских поселений, сложение народного жилища Хорезма от начала нашей эры до позднего средневековья и на базе материальной культуры реконструировать социальную структуру общества.

Каракалпакским филиалом АН УзССР проведены комплексные исследования Устюрта и районов Юго-Западного Приаралья.

Археологические исследования в Северном Узбекистане позволили выявить кризис рабовладельческой формации, проявившийся в спаде городской жизни, сокращении ирригационной системы, ухудшении ремесленного производства и т. д. Аналогичное явление в конце III—IV вв. наблюдается также в южных районах Узбекистана и Хорезме, где иногда происходит полное запустение городов и центры экономической деятельности перемещаются в сельские замки нарождавшейся феодальной знати. Выявлены большие сдвиги в динамике ирригационного освоения земель древнего орошения. На примере Беркуткалинского, Яккепарсанского, Аязкалинского оазисов четко выделяется облик афригидского сельского поселения. Аналогичный характер развития сельской архитектуры выявлен в Согде, Бактрии, Чаче.

Резко сокращается площадь городской застройки Термеза; на Афрасиабе, в Согде, Канке, Чаче появляются крепостные стены, отделившие лишь часть ранее обжитой территории; приходят в запустение северо-бактрийские античные городские пункты (Халчаянтапа).

Новые страницы в историю раннефеодальной культуры вписало широкое изучение памятников Северной Бактрии. Так, исследование Тохаристана позволило понять социальное содержание нового типа замковой архитектуры, а также получить ценнейшие материалы по истории культуры Южного Узбекистана.

Особый интерес представляют Балалыктепа, Джумалактепа, Зангтепа.

Изучение раннесредневековых памятников выявило новые принципиальные моменты среднеазиатской истории, важнейшие из которых — определенное перемещение центра культуры из южных районов Узбекистана в более северные, в долину Зарафшана, где наряду с замковой архитектурой быстро восстанавливаются и интенсивно развиваются крупные городские пункты — Самарканд, Бухара, Варахша, Рабиуджан, Пенджикент.

Значительно слабее выяснена история раннефеодального периода

Ферганы и Чача, хотя сейчас там ведутся обширные специальные исследования. В частности, установлено, что в Чаче в тот период интенсивно развивалась городская культура. Здесь насчитывалось около 30 городских пунктов. Изучение их топографии позволяет выявить по крайней мере три основные градообразующие причины — расположение в центре горнорудных бассейнов, на основных караванных путях и на границах с кочевыми районами. Интересно перемещение центра тяжести городской культуры от бассейна Сырдарьи в горные и степные районы.

Ценные материалы для истории Ферганы дало изучение столицы ее восточных районов — Кувы. Раскопки крепостных сооружений, городских кварталов и пригородов показали, что Фергана в раннефеодалную пору выходит из состояния замкнутости. Расширяются ее связи с северными и западными оазисами, особенно в VII — начале VIII в.

Исследование памятников поры развитого феодализма еще более, чем в предшествующий период, связано с изучением городской культуры. В районах, входивших некогда в состав Согда, проводится систематизация памятников, позволяющая выделить самостоятельные районы с локальными экономическими центрами. Изучены караванные пути из Самарканда в Бухару, а также горные районы и пункты на этих путях — городище Дурментепа, Рабинджан, Дабусия, Кафрыкала.

Особое внимание уделено столице средневекового Согда — Самарканду. Стратиграфические раскопки в цитадели, шахристане, рабаде сочетались со вскрытием широких площадей на одном историко-культурном горизонте. Раскопки в цитадели показали временное запустение ее в саманидскую пору с последующим возвратом к ней роли крепостного ядра при Караханидах и хорезмшахах вплоть до перестройки крепостных стен и возведения дворца.

Большие раскопки проведены в крупнейшем культовом сооружении городища IX — начала XIII в. — соборной мечети близ цитадели. Раскрыты остатки декора в виде прекрасного резного штука, деталей резной поливной терракоты.

Уникален раскоп гончарного квартала в центре шахристана, монографическое исследование которого позволило охарактеризовать социальную дифференциацию ремесленников, уровень специализации, технологический процесс, степень концентрации ремесел и ряд других сторон социально-экономической жизни города.

Большое внимание уделено изучению благоустройства, водоснабжения и коммунального хозяйства Самарканда.

Крупные археологические изыскания проведены также в Кашкадарье. Только в Каршинском оазисе выявлено около 200 памятников, послуживших основой историко-топографических карт Южного Согда. Исследования показали, что в пору раннего феодализма древнейшая столица Согда — Еркурган приходит в упадок. Роль центра воспринимает новый город, руины которого некоторые исследователи отождествляют с городищем Калаи Захоки Марон или городищем Шуллюктепа близ Карши.

Расцвет новой столицы Каршинского оазиса, именовавшейся Нахшебом, или Несефом, приходится на X—XII вв. В XIII в., после монгольского завоевания, город прекратил свое существование, но в XVIII—XIX вв. его цитадель была восстановлена и интенсивно обживалась. С XIV в. роль столицы оазиса перешла к городу, развалины которого находятся на территории Карши.

Значительные работы проведены по топографии Ташкентского оазиса, включавшего два феодальных владения — Чач и Илак. По данным средневековых географов, регион насчитывал до 50 городских пунктов. Обширные историко-географические исследования по их выявлению и отождествлению, обследование караванных путей и сырьевых центров позволили сделать привязку городов к конкретным районам, связанным с рудно-сырьевой базой, кочевой степью, традиционными караванными путями.

Выявлены ядро средневекового Бинкета, его ремесленные кварталы, границы средневекового рабада. Интересные материалы по истории градостроительства Чача дает исследование второго крупнейшего города оазиса — Хараşkета (городище Канка), где изучены дома богатых горожан и ремесленников, производственные мастерские и караван-сарай, оборонительные сооружения; получены нумизматические материалы, раскрывающие новые страницы истории Караханидов Восточного Мавераннахра. Выявлены также особенности формирования структуры городских центров, возникавших на границе с кочевым миром.

Аналогичные вопросы решаются при изучении городов Ферганского оазиса, в первую очередь Ахсикета.

В противоположность архаическому и античному периоду значительно слабее изучена средневековая история южных районов республики. Однако даже на этом уровне исследования трудно не заметить, что Северная Бактрия, являвшаяся в античный период наиболее развитым центром земледельческой и городской культуры, в последующем постепенно теряет свою ведущую роль из-за интенсивного оседания кочевых элементов. Количество феодальных городов здесь не столь велико, как в Согде и Чаче. Постепенно меняется и этнический облик населения, а с приходом кунградских племен древний тип населения вообще сохраняется преимущественно в городах.

В целом изучение городов саманидо-караханидского времени позволяет выявить динамику их развития, виды ремесел и уровень производительных сил, роль городов в развитии сельской культуры, взаимоотношения с кочевой степью. Кроме того, оно дает возможность проследить изменение социальной структуры отдельных компонентов городской организации в зависимости от изменения их функций.

Надо отметить, что несмотря на широкие исследования древних и средневековых городов, проблема генезиса и развития городской культуры Узбекистана и ее роли в сложении хозяйственно-культурных регионов остается ведущей при разработке вопросов истории классового общества Узбекистана.

К числу наиболее слабо разработанных вопросов в этой области относится изучение северо-восточных районов республики.

Весьма важны также дальнейшие археологические и этнографические исследования носителей джетыасарской и каунчинской культур в сопоставлении с данными письменных источников о среднеазиатских народах поры античности, дальнейший сбор материалов о языковом составе населения Сырдарьинского бассейна.

Для разработки экономической истории Узбекистана большое значение имеет и изучение истории ирригации, ибо во все времена земледелие здесь развивалось на базе искусственного орошения. Организация оросительных и мелiorативных работ, в свою очередь, тесно связана с социально-экономическими и политическими условиями жизни народов.

Исследования в данном направлении имеют практическую значимость и в наши дни. На их основе в настоящее время рекомендовано к освоению несколько сотен тысяч гектаров бывших пустынных и залежных земель в Хорезме и Бухарской области.

Широкие полевые исследования привели к накоплению богатого антропологического материала с эпохи бронзы до современности, необходимого для решения вопросов этногенеза народов Средней Азии. Наиболее полные комплексы для эпохи бронзы получены на юге (Сапаллитепа, Джаркутан) и северо-западе (Кокча-3) Узбекистана. Материалы антропологических исследований позволяют заключить, что в эпоху бронзы на территории нынешнего Узбекистана обитали люди, характеризующиеся восточносредиземноморским и протоевропейским расовыми типами, распространенными здесь и в эпоху рабовладельческого строя. Примерно с середины I тыс. до н. э. в северных районах Узбекистана, Приаралье, Древнебухарском оазисе начинается формирование памиро-ферганского типа. С середины I тыс. н. э. он становится преобладающим на территории между Амударьей и Сырдарьей. Представляется, что монголоидная примесь у равнинных таджиков и особенно различных этнических групп узбеков на рубеже I—II тыс. н. э. увеличивается. Еще больше она возрастает после XVI в., когда на территории современного Узбекистана расселяются даштыкипчацкие узбекские племена.

Необходимо отметить, что памиро-ферганский тип в свое время был выделен в самостоятельную расовую единицу путем исследования лишь современного населения Среднеазиатского междуречья. Еще не установлены краниометрические границы его на ископаемом антропологическом материале. К тому же до сих пор неизвестно, сложился ли он путем брахикефализации восточносредиземноморской расы или грацилизации андроновского типа. Для решения данной проблемы имеющегося археологического и антропологического материала недостаточно. Необходимо дальнейшее углубленное исследование соответствующих материалов таких ключевых районов региона, как древний Согд (Самарканд, Бухара, Кашкадарья), Бактрия, Чач, Фергана.

Важным аспектом работы археологов республики является активное участие в решении народнохозяйственных задач. Они определяют границы земель древнего орошения в Узбекистане, изучают древнейшие ирригационные системы, гидротехнические сооружения, динамику развития ирригации в различные эпохи, причины запустения отдельных районов и т. д., что очень важно при решении вопросов дальнейшего расширения посевных площадей в республике.

Принятие «Закона об охране памятников истории и культуры», включение в Конституцию СССР нормы об охране исторических памятников ставят перед археологической наукой большие задачи по тщательному учету всех памятников материальной культуры.

В этой связи первоочередную значимость приобретает интенсификация работ по составлению Свода памятников истории и культуры Узбекистана с целью выявления, классификации и использования их как источника для изучения сложных этапов освоения регионов. Предусматриваются рекогносцировочное исследование объектов, составление историко-археологических карт, выявление этапов ирригационного освоения оазисов.

Значительный объем раскопочных работ, вскрытие целых объектов, которые впоследствии могут явиться частью экспозиции музеев под открытым небом, требуют совершенствования методики и широко-

го внедрения в практику новых способов консервации и реставрации исторических памятников.

Таким образом, опираясь на достигнутые успехи, нашим археологам предстоит осуществить обширную программу комплексных перспективных исследований, нацеленных на глубокое и всестороннее изучение исторического прошлого народов Узбекистана и прилегающих регионов.

А. А. Асқаров

**ЎЗБЕКИСТОНДА ОЛИБ БОРИЛГАН АРХЕОЛОГИК ТЕКШИРИШЛАРНИНГ
БАЪЗИ НАТИЖАЛАРИ**

Мақолада кейинги йилларда Ўзбекистонда олиб борилган археологик қидирув ишларининг муҳим натижалари характерлаб берилган ва шу асосида республика археологларининг навбатдаги вазифалари белгиланади.

П. А. ГРЯЗНЕВИЧ

ЮЖНАЯ АРАВИЯ В ТРУДАХ БЕРУНИ

В картине мира, созданной Абу Райханом Беруни, Южной Аравии уделено внимание главным образом в связи с рассмотрением общих естественно-научных и историко-культурных проблем, интересовавших ученого.

Круг письменных источников, из которых Беруни почерпнул информацию об этом регионе, невелик. Главное место среди них занимают исторические и географические своды общего характера¹.

Общие представления Беруни о географии Аравийского полуострова основаны на данных «Географии» и «Альмагеста» Клавдия Птолемея, а также трудов по математической и астрономической географии ал-Хорезми, ал-Баттани и ал-Джайхани. Отсюда заимствован, в частности, приводимый в «Каноне Мас'уда» перечень 16 городов и областей Йемена с указанием их широт и долгот². Эти сведения кое-где дополнены более свежими фактами, вошедшими в литературу в результате географических открытий VIII—X вв. Из «Книги путей и государств» Ибн Хордадбега Беруни использовал сообщение о месяцах, когда в Йемене идут дожди³. О способах поиска воды и рытье колодезей в Йемене⁴ он рассказывает со ссылкой на устные источники.

Сведения Беруни о морях, окружающих Аравию, более самостоятельны. Он подробнее остановился на этом вопросе, разрабатывая свою теорию распределения морей на земной поверхности⁵. Его описание береговой линии Аравийского полуострова опирается на собственную общую теорию и содержит точную эмпирическую информацию. Особенно детально рассмотрен район Красного моря, именуемого у Беруни заливом (или морем) ал-Кулзум, причем он считал его зали-

¹ Мы не имеем сведений о непосредственном знакомстве Беруни с трудами йеменских ученых. Имя ал-Хасана б. Ахмада ал-Хамдани (первая половина X в.), видимо, осталось ему неизвестным.

² Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. V. Ч. I. Канон Мас'уда (книги I—V). Вступительная статья, перевод и примечания П. Г. Булгакова и Б. А. Розенфельда). Ташкент, 1973, с. 445—446 (далее — Канон); ср.: Абу Райхан Беруни. Избранные произведения, VI. Книга вразумления начаткам науки о звездах. Вступительная статья, перевод и примечания Б. А. Розенфельда и А. Ахмедова. Ташкент, 1975, с. 116 (далее — Тафхим).

³ Абу Райхан Бируни. Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений. Перевод и примечания М. А. Салье. Ташкент, 1957, с. 268 (далее — Памятники).

⁴ Там же, с. 289.

⁵ См. «Тафхим», с. 110 и след.; ср.: Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. III. Определение границ мест для уточнения расстояния между населенными пунктами (Геодезия). Исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова. Ташкент, 1966, с. 25, 160—162 (далее — Геодезия); Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.—Л., 1957, с. 248—251.

вом Индийского моря: «Здесь (около Адена. — П. Г.) от него (Индийского моря. — П. Г.) отходят два больших залива, один из которых известен под названием залива Кульзума (Халидж Кулзум). Он загибается, окружая страну арабов, которая благодаря ему становится как бы островом. Так как против Йемена на нем расположена Эфиопия, его называют по обеим странам: южную часть — по Эфиопии, северную — по Йемену, а обе вместе — морем Кульзума (Бахр ал-Кульзум), так как это — город в месте его поворота к стране Сирии, где он сужается... Другой залив этого моря известен как море Барбара, простирающееся от Адена до Софалы зинджей»⁶.

Далее Беруни указывает протяженность, топонимическую номенклатуру, порты на йеменской и частично — на эфиопской стороне, говорит о двух северных заливах (Суэцком и Акабском), приводит сведения о приливах и отливах, упоминает о предпринятых в древности попытках соединить Красное море каналом со Средиземным морем⁷.

В «Минералогии» приводятся весьма подробные и точные данные о ловле жемчуга на Красном море и вдоль восточного побережья Аравии⁸, об условиях и способах его добычи, особенностях и качестве жемчуга (в частности, отмечено, что красноморский жемчуг имеет свинцовый оттенок). Об этом, пожалуй, нигде больше нет столь подробных сообщений. И по сей день остаются в силе слова Беруни о трудностях добычи жемчуга у берегов Йемена из-за обилия акул⁹.

В «Фармакогнозии» имеются данные о красноморской фауне: сообщается о нескольких разновидностях морских растений и моллюсков, используемых фармацевтами; о рыбе дайрак, которая водится в Красном море и поныне, и об акулах¹⁰. Для исторической географии Йемена важна также подборка данных о некоторых растениях Тихама (прибрежная полоса Красного моря), составленная по источникам, теперь уже утраченным. Наряду с другими сведениями сообщается, что города Забид и Хайс в Тихаме вели торговлю с Эфиопией через йеменский порт Гулафику и расположенный напротив эфиопский порт Зайлу¹¹; что в Адене была своего рода база для промысла и продажи жемчугов и кораллов¹². В IX в. там снаряжали корабли для ловли жемчуга в Мозамбикском проливе¹³ и раз в год, в первой декаде рамадана, проводили общеравийскую ярмарку¹⁴. Имеется краткая справка об острове Сокотра, суммирующая сообщения Абу Йусуфа ал-Кинди (середина IX в.) и его современника, уроженца Омана, некоего ал-'Умани: остров находится на расстоянии одного дня пути от области аш-Шихр на аравийском побережье; его площадь — 40×40 фарсахов; жители — христиане, управляет ими епископ; предметы вывоза — жемчуг и алоэ¹⁵.

⁶ Тафхим, с. 100; ср. «Канон», с. 437; см. также: Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. II. Индия. Перевод А. Б. Халидова и Ю. Н. Завладовского, Ташкент, 1963, с. 195 (далее — Индия).

⁷ Геодезия, с. 30, 97.

⁸ Абу-р Райхан Мухаммад ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А. М. Беленицкого. М., 1963, с. 133—134 (далее — Минералогия).

⁹ Там же, с. 126—142.

¹⁰ Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. IV. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб). Исследование, перевод, примечания и указатели У. И. Каримова. Ташкент, 1973.

¹¹ Там же, № 1071.

¹² Минералогия, с. 129, 134, 180.

¹³ Там же, с. 180 (сообщения ал-Кинди); ср. «Канон», с. 444, 445.

¹⁴ Памятники, с. 371; ср.: Мухаммад б. Хабиб. Китаб ал-мухаббар. Ташки Илза Лихтенштейтер. Хайдебад, 1942, с. 266.

¹⁵ Фармакогнозия, № 632; Минералогия, с. 135; Канон, с. 445.

Пожалуй, наиболее подробную информацию Беруни дает об аш-Шихре—городе и прибрежной области на восточном побережье Аравии. Со слов упомянутого выше ал-'Умани, он сообщает о жемчужных ловлях в указанном районе, приводит названия этих мест¹⁶. Беруни отмечает, что в первой половине месяца шабана каждого года в аш-Шихре проходила общеравийская ярмарка¹⁷. Основное внимание уделено главному богатству области и всей Южной Аравии — драгоценным смолам, ладану и мирре. Беруни обстоятельно описывает камеденосные деревья, условия их произрастания, технику сбора ладана и мирры¹⁸, которые не изменились до наших дней. Порт аш-Шихр был главным центром вывоза благовоний из Южной Аравии¹⁹, чем и объясняется его известность в средневековой географической литературе.

Что касается внутренних районов Южной Аравии, то здесь наиболее интересны собранные Беруни сведения о растительном мире и минералах. «Фармакогнозия» и «Минералогия» содержат, в частности, ботаническое описание, указание мест распространения и сферы использования 15 видов деревьев, нескольких видов кустарников, цветов, зерновых, винограда, пряностей, камеденосных растений, а также сведения о четырех минералах, характерных для Южной Аравии (акик, оникс, калевые квасцы, селенит)²⁰. Эти материалы позволяют в известной мере судить о развитии фармакологии в данном районе. Мы узнаем также примерно о 15 видах растений и минералов, составлявших традиционные статьи йеменского экспорта в древности и в раннем средневековье.

Источниками этих сведений²¹ для Беруни послужили сочинения Галена и Диоскорида²², преемников традиций знаменитой медицинской школы в Джундишапуре — 'Исы б. Масы²³ и Абу Закарий Яахи б. Масавайха²⁴, а также «Книга о благовониях» Абу-л-'Аббаса ал-Хушшаки, собравшего огромный материал об известных в разных странах растениях и минералах, используемых для приготовления духов и ароматических веществ. Многие сведения о растительном мире Аравии Беруни почерпнул из «Книги о растениях» известного историка, филолога, ботаника и географа Абу Ханифы ад-Динавари (ум. в 895 г.), составившего описание флоры Аравийского полуострова по материалам древнеарабской поэзии. Некоторыми данными об экспорте из Южной Аравии драгоценных и полудрагоценных камней и лекарственных растений Беруни обязан уже упомянутому ал-'Умани, а значительная часть информации о минералах Южной Аравии и местах их добычи взята из «Книги о драгоценных камнях и о подобных им минералах» Абу Йусуфа Па'куба ал-Кинди (ум. во второй половине IX в.).

Большая часть перечисленных источников до нашего времени не дошла, что придает особую ценность фактам, сообщаемым Беруни.

В трудах Беруни встречаются также упоминания о сердоликовых копиях в селениях Мукра и На'ам, о кожевенном производстве в

¹⁶ Минералогия, с. 134; Фармакогнозия, № 923, 937.

¹⁷ Памятники, с. 371; ср.: Мухаммад б. Хабиб. Указ. соч., с. 266.

¹⁸ Фармакогнозия, № 923, 937, 982.

¹⁹ Там же, № 730, 937; Тафхим, с. 100; ср.: Hudūd al-'Ālam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky. London, 1937, p. 148 (далее — Худūd ал-'Ālam).

²⁰ Минералогия, с. 160, 163, 165; Фармакогнозия, № 154, 596, 721.

²¹ См. «Фармакогнозия», с. 60 и след.

²² Ботаник и фармаколог I в. н. э., автор книги «О лекарственных средствах».

²³ Врач мервской больницы (IX в.).

²⁴ Придворный врач аббасидских халифов (777—857).

г. Са'да²⁵, о сортах винограда, произрастающих в г. Сана, описание сорта полбы, из которого местные жители выпекали (и пекут по сей день) хлеб. Приводятся сведения о йеменском диалекте и местных названиях отдельных растений и минералов, о видах и технологии выделки знаменитых йеменских клинков²⁶.

Данные об Аравийском полуострове Беруни использует для иллюстрации своих фундаментальных научных идей о возникновении геосинклиналей, морфологических изменениях земной поверхности вследствие горизонтального перемещения, о поднятии и опускании частей суши и влиянии этих явлений на ход человеческой истории. Так, в «Геозезини» мы читаем: «Удаление частей [суши] от центра [земли] не было постоянным по своей величине в течение времени. Когда они поднимались или когда сильно заносилось [песком] все, что вокруг них, то иссыхали [текучие] воды, высыхали источники, образовывались овраги, земля переставала возделываться и население переселялось в другие [места]. И восходят запустевшие [места] к глубокой древности, а культура их к [былому] подъему и молодости.

...Так суша перемещалась на место моря и море на место суши в [древние] времена: если до существования человека в мире, то в неизвестные, а если после, то в незапамятные, поскольку сведения прерываются по прошествии долгого времени, особенно если они касаются явлений, существующих в [виде постепенных изменений], части за частью, так что вынуждать в эти [явления] могут лишь избранные.

Вот, [например], Аравийская пустыня. Раньше она была морем, которое занесло [песком]. Следы этого в виде слоев земли, песка и гальки обнаруживаются при рытье в этой пустыне колодцев и водоемов. Далее, в них встречаются черепки и частицы стекла и кости, не допускающие возможности умышленного захоронения их там, а [из более глубоких слоев] извлекают камни, которые, если их расколоть, содержат [в себе мелкие] ракушки, морские раковины и так называемые «рыбьи уши», либо сохранившиеся в своем виде, либо истлевшие и исчезнувшие, тогда как в их местах остались пустоты, соответствующие их форме. Подобные этим [находки] встречаются также в Баб алабаве (с. 95) на берегу Хазарского моря. Нет никаких упоминаний какого-либо определенного времени или истории [их образования]»²⁷.

Беруни разворачивает целую систему естественнонаучных (геодезических, палеоклиматических и палеонтологических) и историко-культурных доказательств, за тысячу лет предвосхитив гипотезы середины XX в. о дрейфе континентов²⁸, горизонтальном перемещении материковых блоков.

Как историк Беруни внес значительный вклад и в изучение прошлого Аравии. В описании доисламского периода жизни арабов он следовал южноарабскому («кахтанидскому») историко-эпическому преданию. Для Беруни начало истории арабов связано с Южной Аравией, а их первопредками (ал-'араб ал-'ариба) он считал Иактана — Ках-

²⁵ Канон, с. 446; Ср. «Худūd ал-'Īlam», с. 146, 412; Kitāb al-Masālik wa'l Mamārik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khor-dādhibeh et Excepta e Kitāb al-Kharādj auctore Kodāna Ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni — Batavorum, 1889 (BGA, VI), p. 136.

²⁶ Минералогия, с. 236.

²⁷ Геозезия, с. 94.

²⁸ См.: Леонов Н. Н. Беруни-геотектоник. — Беруни. Сборник статей к 1000-летию со дня рождения. Ташкент, 1973, с. 72—80; Розенфельд Б. А., Рожанская М. М., Соколовская З. К. Абу-р-Райхан ал-Беруни (973—1048). М., 1973, с. 196—197.

тана и его потомков²⁹. Он писал: «[Аравийскую пустыню] населяли арабы со времени первого из них Пактана. Возможно, что их обиталищем были горы Йемена в бытность этой пустыни морем. Йеменцы — чистокровные, самые древние арабы. У них там была цивилизация, в частности плотина между двух гор, за которой поднималась вода до их вершин и орошала по правую и левую сторону два сада до той поры, пока не обрушил ее наводок от страшных ливней. Вода сошла, эта культура исчезла и заменилась двумя другими садами, «обладающими плодами горькими, тамариском и небольшим количеством сидра»³⁰.

Общие сведения о древней истории Южной Аравии у Беруни традиционны. Большую часть их он излагает в виде комментария к хронологической таблице так называемых «химйаритских» царей в «Памятниках минувших поколений»³¹; разрозненные сообщения можно найти в «Минералогии» и «Каноне». Содержащиеся в них детали представляют некоторый интерес как параллели или дополнения существующих известий.

Так, в «Памятниках минувших поколений» любопытны таблица названий месяцев у народа Самуд³², сообщение о древних жилищах и гробницах в горах Мидйан³³, на северо-западе Аравии. Как доказательство существования древней цивилизации на территории Аравии в «Минералогии» почти вскользь приводится замечание о том, что персы, завоевавшие Йемен во второй половине VI в. н. э., до распространения ислама исповедовали зороастризм и осуществляли соответствующие богослужения вплоть до 30-х годов VII в. Вот что говорит Беруни: «Этим он (Бадан) подражал пророку., который повесил в Ка'бе золотой барсом (пучок веток, который зороастрийский жрец держал в руках во время богослужения), присланный ему в дар персидским наместником Йемена после принятия им ислама; этим Бадан показывал свое отпадение от веры магов и свой отказ от их обычаев»³⁴.

Даже достаточно известные факты Беруни рассматривал в таком ракурсе, что в них обнаруживались какие-то неожиданные моменты, обретающие характер новой информации. Например, сравнивая крепости ал-Фир в Хорезме и Гумдан в Сане, он подчеркнул, что и та, и другая играли роль столичной цитадели и имели сходные особенности архитектуры: «Ал-Фир — крепость на краю города Хорезма, построенная из глины и сырцового кирпича [в виде] трех укреплений, одно внутри другого. Они следовали одно за другим, одно выше другого, а самыми высокими были дворцы царей, наподобие Гумдана в Йемене, когда он был местопребыванием тубб»³⁵. Далее он дает точную локализацию Гумдана, подтвержденную современными историко-археологическими исследованиями: «Это — крепость в Сан'а, напротив пятничной мечети, расположенная на скале. Говорят, что ее построил Сим, сын Нуха, после потопа, и что там есть колодец, который он выкопал». Затем следует деталь, представляющая интерес для сабентств: «Говорят также, что это, наоборот, был храм, построенный ад-Даххаком в честь Венеры»³⁶. Божество планеты Венеры — Астар, как известно, входило в пантеон главных божеств древнего Йемена. Поэтому

²⁹ Канон, с. 162; Геодезия, с. 95; Памятники, с. 132.

³⁰ Геодезия, с. 95.

³¹ Памятники, с. 132—134.

³² Там же, с. 79, 80, 87.

³³ Там же, с. 101.

³⁴ Минералогия, с. 62.

³⁵ Памятники, с. 48.

³⁶ Там же.

существование ее святилища на месте легендарной крепости исторически вполне вероятно.

Другое попутное замечание Беруни при всей его кажущейся легендарности также служит важным историко-культурным свидетельством. Оно содержит указания на устройство могил, способ захоронения и погребальный обряд, характерные для Йемена. Эти сведения интересны и как попытка Беруни объяснить происхождение аналогичных обычаев и обрядов в Средней и Центральной Азии: «А в Йемене было в обычае выкапывать ямы для умерших знатных лиц и сооружать в них своды; это и были их могилы. В «Книгах известий» есть рассказы о них (могилах), хотя эти писания и стихи бывают лживыми; в них (могилах) находили мечи, называемые «могильными» (кубурийа). Когда один из царей — тубб отправился в Китай, то прежде чем он прибыл туда, его постигло несчастье (он умер. — П. Г.), войско его разделилось на две части: одной части понравилось то место, и они поселились там, и это, как говорят, и есть тибетцы; другие устремились на родину и вернулись домой с добычей и рабами. И пошел от отставших (йеменцев) обычай, как у жителей Йемена, а именно — копать могилы для покойников наподобие домов и помещать туда тело вместе с тем, что принадлежало покойному, а также его близких, то есть жен, и для них пищу, необходимые вещи из одежды и светильник на год. Все это засыпают, словно они верят в переселение души, как верят жители Индии в возвращение, настолько, что женщины их сами себя сжигают вместе с телами своих умерших мужей»³⁷.

Есть и другие любопытные детали из истории и культуры Южной Аравии. Они повторяются в других источниках, и на них можно не останавливаться³⁸.

Интересно замечание Беруни об изменении характера власти на раннем этапе древней истории Йемена, где он снова демонстрирует тонкую интуицию историка: «Что касается царей Йемена, то когда потомки Кахтана собрались в Йемене, они вручили власть над собой Химйару... Он умер дряхлым старцем, и его потомки наследовали власть. Их считали не царями, а только главарями, пока не минуло много поколений и власть не перешла к ал-Харису ар-Ра'шиду. И стали его называть царем и туббой..., т. е. жители Йемена были его подданными. Между ним и Химйаром были, как говорят, пять предков»³⁹.

Превращение власти главаря в царскую, вождя-предводителя — в царя — общенсторическая закономерность, а в Йемене она зафиксирована в замене титула «мукарриб» на титул «малик» («царь»), отразивший переход верховной власти в Сабейском государстве от мукаррибов к царям⁴⁰.

Пожалуй, самая значительная по объему часть южноаравийского материала у Беруни относится к исторической хронологии. В «Памятниках» приводится общий принцип летоисчисления в древнем Йемене и дана хронологическая таблица его правителей «царского периода»⁴¹. В частности, сообщается: «Химйариты и кахтаниды вели счет годам по [царствованиям] тубб, как персы считали года по хосроям, а румы — по кесарям. Но в правлении химйаритских [царей] не было порядка

³⁷ Минералогия, с. 213, 236.

³⁸ Там же, с. 136, 139, 165, 166, 240, 241 и др.

³⁹ Памятники, с. 132; ср.: Хамза ал-Исфехани. Та'рих сини мулук ар-ард ва-л-анбийа', магба'а Кавийани. Берлин, 6 г., с. 81.

⁴⁰ См.: Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба. М., 1971, с. 201.

⁴¹ Памятники, с. 132—134.

(последовательности), и их летосчисление неустойчиво»⁴². Составленная Беруни таблица имеет некоторое самостоятельное историографическое значение из-за комментариев к перечню царей и дат их правления. Впрочем, эти данные, как и большая часть имен царей Химйара, легендарны. Таблица Беруни близка аналогичной таблице Хамзы ал-Исфахани. Расхождения между ними имеют лишь узкоисторико-ведческий интерес. Сам Беруни в качестве источника ссылается на «книги жизнеописаний» (кутуб ас-сийар), «в которых содержится перечень царей Йемена..., а также указаны сроки правления каждого из них, но любая из двух передач дает свою версию»⁴³.

Беруни достаточно хорошо знал историко-эпическое предание о древнем Йемене, к его времени уже канонизированное традицией. Вместе с тем он умел давать совершенно неожиданное освещение, казалось бы, тривиально легендарному и давно известному материалу. Так, в книге «Памятники минувших поколений» он приводит текст своеобразного исторического пророчества, якобы высеченного на воротах города Зафара, последней столицы древней Южной Аравии:

«В день, когда воздвигли Зафар, спросили его:

«Кто будет владеть тобою?» И он ответил:

«Благие химйариты».

И спросили его: «А после них?» И он ответил:

«Злые эфиопы».

И спросили его: «А после них?» И он ответил:

«Благородные персы».

И спросили его: «А после них?» И он ответил:

«Курайшиты — купцы».

И спросили его: «А после них?» И он ответил:

«Отважные химйариты».

То есть, — заключает текст Беруни, — власть вернется к ним (химйаритам)⁴⁴.

Ал-Мас'уди (ум. в 956 г.), писавший примерно за сто лет до составления «Памятников», излагает этот текст ordinarily: «Цари Йемена, за исключением немногих, жили в г. Зафаре..., а на воротах Зафара было написано древним письмом на черном камне»⁴⁵. Дальше следует приведенный выше отрывок. Между тем Беруни помещает его в такой контекст: «Мало найдется народов, у которых не было бы надежд, коими утешают свою душу и возбуждают в ней мечты о возвращении к ним власти. На это надеются также и химйариты, как это видно из их слов: «Мы нашли на воротах города Зафара надпись...» И далее помещен цитированный текст.

Здесь поразительно точно указана центральная идея южноарабского историко-эпического предания, до наших дней служившего единственной версией древней истории Южной Аравии, дан ключ к пониманию социальной психологии крупного политического и культурного движения в халифате VII — второй половины VIII в., а вместе с тем исторического самосознания той его части, которая связывала свою судьбу с прошлым и будущим Йемена.

Этот пример может служить образцом социологического подхода к литературному тексту. Он становится особенно поучительным, если

⁴² Там же, с. 47.

⁴³ Там же, с. 132.

⁴⁴ Памятники, с. 208.

⁴⁵ Al-Mas'oudi. Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. T. 3, Paris, 1864, p. 178.

вспомнить, что многие крупные востоковеды видели в южноарабском предании лишь историко-генеалогический фольклор⁴⁶.

Обзор приведенных материалов о Южной Аравии свидетельствует, что Беруни внес самостоятельный вклад в изучение одного из древних очагов цивилизации на территории Аравийского полуострова. Помимо сведений, извлеченных из различных источников, он высказал мысли, и по сей день сохранившие творческий заряд, выдвинул проблемы, решение которых начато лишь в наше время. Это дает основание относить его наряду с ал-Хасаном ал-Хамдани к числу зачинателей научного изучения Южной Аравии.

П. А. Грязневич

БЕРУНИЙ АСАРЛАРИДА ЖАНУБИЯ АРАБИСТОН

Ленинградлик шарқшунос-арабшуноснинг ушбу мақоласида Абу Райҳон Беруний асарлари таржимасидан Жанубий Арабистоннинг географияси, набототи, ҳайвонот олами, фойдали қазилмалари, иқтисоди, қадим тарихи, маданияти ва бошқалар жаъмлланган.

⁴⁶ См.: Пиотровский М. Б. Предание о хиваритском царе Ас'аде ал-Камиле. М., 1977, с. 6—7.

Из истории науки

И. РАЖАБОВ

АТОҚЛИ ХОНАНДА ВА БАСТАКОР

Академик Юнус Ражабийни ҳамма севарди, эъзозларди. Аллома шоирларимиз Ғ. Ғулум, Ойбек, халқимиз меҳр-муҳаббатини қозонган Ҳ. Олимжон, С. Абдулла, Уйғун, Ҳабибий, Ҳ. Ғулум, Е. Мирзо, Мирмуҳсин каби қаламкашлар ўз шеърлари ва мақомларида устозни фаҳр билан мадҳ этганлар. Ҳатто, пахта далаларида, завод ва фабрикада меҳнат қилаётган ишчи ва деҳқонлар ҳам у кишининг номларини ҳурмат билан тилга оларди.

Еш шоир ва олим О. Азимов устозни қуйидагича мадҳ қилади:

Жонбахш куйларингиз тинглардик ҳар тонг,
Янгроқ овозингиз созлаб қалб торин,
«Қаро кўзим» билан бўлиб ҳамоҳанг,
Сеҳрлаб ёзарди кўнгиш хуморин...

Юнус Ражабий 1897 йил 5 декабрда Тошкентда Ражаб қассоб оиласида дунёга келди. Унинг отаси шеърнат ва музикани севарди, ўз фарзандларини нафосатдан, илмдан хабардор кишилар бўлиб етишишлари учун астойдил ҳаракат қилди. Оиласини пачор аҳволда бўлишига қарамай, ўз болаларини ўқитди, билим олишига катта аҳамият берди.

Юнус Ражабий шеърнат ва музыкага ёшлигидаёқ ихлос қўйди. Унинг саводлилиги ўзбек ва тожик классик шоирларининг асарларини ўқиш ва ашулабоп шеърларини ёзиб олиб, мутолаа қилишига ёрдам берди.

У ёшлигида акаси — танбурчи Ризқи Ражабийга дутор ва найда жўр бўлиб чала бошлади. Ака-ука гап-гаштакларда, тўй-базмларда йерик устозлар ижро этган куй ва ашулаларидан баҳраманд бўлишиди, сеҳрли музыка сирларини ўргана бошлади. Дастлаб, Юнус Ражабийни Мирзо Қосим ҳофизнинг ёқимли ашулалари ўзига ром этди, унга тақлид ашулалар айта бошлади.

Кунларнинг бирида Мирзо Қосим исмли ҳофиз қатнашаётган йиғинда ёш бир йигитча жўрабошидан: «Мен ҳам битта ашула айтиб берайми?!» — деб илтимос қилади. Унга зўрға рухсат этади. Йигитча ашула айта бошлайди. Нотаниш йигитчанинг илтимосидан бошда энсаси қотган Қосим ҳофиз унинг ашуласини ниҳоятда ёқтириб қолади ва унга ашулар ўргатишга ваъда беради. Бу йигитча Юнус Ражабий эди.

Юнус Ражабий Улуғ Октябрь революциясининг дастлабки йилларида Тошкентда ташкил қилинган музыка билим юртида таълим олди. У ерда Ю. Ражабийга Шораҳим Шоумаров устозлик қилди. У одам Тошкентда, ҳамда Фарғона водийсида машҳур бўлган мақом йўлларининг билимдони эди. Юнус Ражабий 1922 йилда Шораҳим Шоумаров раҳбарлигида биринчи ўзбек музыкали драмаси — «Фарҳод ва Ширин»

песаси учун музика материалларини танлашда актив иштирок қилди. Бу музикали драма бир неча бор қайта ишланиб, Юнус Ражабий раҳбарлигида Самарқанд музикали драма театрида ҳам намойиш қилинди.

Юнус Ражабийнинг ташкилотчилик қобилияти ўша даврлардаёқ намоён бўлган эди. 1926 йилнинг охирида музика муаллими ва театрининг музика раҳбари сифатида Самарқандга ишга юборилган Юнус Ражабий 1926 йилнинг охирида Тошкентга қайтиб келди ва бир қанча бадий хаваскорлик тўғарақларида раҳбарлик қилиб, ўзининг ташкилотчилик ишларини давом эттирди. У 1927 йил бошида Ўзбекистон радиоси қошида ўзбек халқ чолғу ансамблини ташкил қилди. Бу ансамбль Юнус

Ражабий раҳбарлигида ўзбек халқ музика бойликларида халқни баҳраманд қилди.

1960 йилда ташкил этилган мақом ансамбли Шашмақомни кенг кўламда тарғиб қила бошлади. Ю. Ражабий беш-олти йил мобайнида Шашмақомнинг ашула йўлларини ансамблга ўргатиб, магнит ленталарига, грампластинкаларига ёздириб халққа тақдим қилди.

Ю. Ражабий учун республика радиосидаги халқ чолғу ансамбли зўр ижодий лаборатория вазифасини ўтади. У ерда Ориф Қосимов, Берта Давидова, Коммуна Исмоилова, Зокиржон Содиқов, Фаҳриддин Содиқов, Илҳом Тўраев, Исҳоқ Қодиров, Турғун Алматов, Холисхон Қодирова, Ориф Алимахсумов, Очилхон Отахонов, Ўринбой Отажонов каби ўнлаб созанда ва хонандалар етишиб чиқди.

Юнус Ражабий моҳир хонанда бўлиш билан бирга улкан бастакор ҳам эди, у юзлаб халқ профессионал оғзаки музикаларига оҳангдош куй, қўшиқ ва ашулалар яратди. «Ўйин баёти», «Ўйин дугоҳи», «Баҳорим», «Қошки», «Чавандози Баёт», «Гул барги», «Муборак», «Куйгай», «Раъноланмасун», «Баҳор келди», «Фабрика» «Мушкilotи Дугоҳ», «Мушкilotи Бузрук», «Ер келди», «Чарх», «Баёт Талқинчаси», «Баёт Соқийномаси», «Гул фасли» каби музика асарлари шулар жумласидандир. Бундан ташқари унинг қайта басталаган куй ва ашулалари ҳам сон-саноксиз. Айниқса Ю. Ражабий басталаган замонавий мавзудаги куй, қўшиқ ва ашулалар диққатга сазовар.

Санъаткор бастакор сифатида Юнус Ражабий замонамиз билан ҳамнафас яшади, социалистик тузумимиз воқеликларига ҳамнафас бўлиб, халқчил куй ва қўшиқлар яратди. Бу ўринда «Ҳаммамиз» деб номланган хор ва ансамбль ижросида радио эфирини орқали кўп йиллар давомида айтилиб келинган қўшиқни эслатиб ўтиш kifоя,

Кўлини қўлга беришиб, эй ишчи-деҳқон ҳаммамиз,

Сувсагон ерларни тирнаб яхшилаб хўб намлайлик.

Юнус Ражабий Мирзачўл ерларини ўзлаштиришга бағишланган «Мирзачўл ёр-ёри» каби ажойиб қўшиқлар муаллифи эди.

Бастакор ижодий фаолиятида драмалар ва драмалар учун ёзилган музикалар ҳам театр шинавандаларида чуқур таассуротлар уйғотган. Унинг «Фарҳод ва Ширин», «Лайли ва Мажнун» музикали драмаларига басталаган музика асарлари халигача кўпчиликнинг эсида. Юнус Ражабий Ўзбекистонда музикали драма жанрини юзага келиши ва ривожланишида улкан ҳисса қўшган ва асослашга сабабкор алломалардан эди. У айниқса Улуғ Ватан Уруши йилларида бу соҳада самарали ижод қилди. «Қасос» (1941), «Қўчқор Турдиев» (1942), «Нодира» (1943), «Муқанна» (1944), «Фарҳод ва Ширин» (1945), музикали драмалари халқимизнинг бадий мероси ҳазинасидан муносиб ўрин эгаллаган.

30-йиллардан бошлаб Юнус Ражабий кўплаб куй, қўшиқ ва ашулалар басталади, классик музика асарларининг ажойиб дурдоналарини яратди.

Академик Юнус Ражабийнинг 1950 йилдан кейинги фаолияти айниқса диққатга сазовар. 30-йиллардан бошлаб, у нотага олган халқ қўшиқларининг бир қисми илгари босилиб чиққан бўлса, 50-йиллардан кейин халқ классик музикаси ва қўшиқларини тўплаб, уларнинг энг ноёб намуналарини нотага тушира бошлади.

Юнус Ражабий халқ музикаси ва «Шашмақом» номли кўп серияли китобларини (Ил. Акбаров ва Ф. Қараматов таҳририда) нашрга тайёрлаб чоп эттирди. Шунинг ҳам айтиш керакки, у нотага олган ўзбек халқ музика асарлари сифати ва ўзига хослиги билан ажралиб туради. Узоқ йиллар давомида унинг ижрочилиқ, бастакорлик ва куйларни тўплаш соҳасида орттирган бой тажрибаси у нотага ёзиб олган куйлардан яққол сезилади.

Устозининг акаси Ризқи Ражабий шундай деган эди: «Биз Юнус билан энг камида 800 та куйни ёддан билардик. Радиокомитетнинг халқ чолғу ансамблига камида 500—600 халқ куйи, қўшиқлари ва ашулаларини ўргатгандик. Радио репертуарида мақом йўллари катта ўрин эгалар эди. Ҳатто республикамизнинг турли областларидан келган таниқли санъаткорлар ҳам ўз репертуарларини бизга кўрсатиб, баъзи камчиликларини тўғрилаб, мамнун бўлиб қайтардилар».

Юнус Ражабий ўзи ёддан билган музика асарларини ҳам энг пухта ва мукамал вариантларда нотага туширишга ҳаракат қилди. Шу сабабли, унинг турли шахслардан ёзиб олинган музика асарлари алоҳида қимматга эга.

У халқ музика меросини қозоғга тушириш билан чекланмади, уларни музика амалиётида ҳам ёрқин рўёбга чиқариб кетди. Ўзбек халқ музика бойликларининг катта қисми, шу жумладан Шашмақомнинг чолғу қисмлари ва ҳамма шўъбалари Юнус Ражабий ҳаёт вақтида магнит ленталарига ва грампластинкаларга ёзиб олинди.

Юнус Ражабийни дунёдаги бутун музика олимларининг кўпи таниган ва ҳурмат қилган. Масалан, югославиялик олим Юнус аканинг меҳмони бўлган ва ўзбек бастакори унга Шашмақом пластинкаларини совға қилган. Шулardan «Наво» мақомининг ўзи Югославия радиоси орқали 11 марта эшиттирилган.

Хуллас, Юнус Ражабий билан халқимиз ҳар қанча фахрланса арзийди. Ўзбек халқи музика маданияти ютуқларини оламга таратган Юнус Ражабийдек аллома хонанда ва бастакорнинг авлодларига қолдирган музика соҳасидаги мероси мангу барҳаёт.

И. Ражабов

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ И КОМПОЗИТОР

В данной статье, посвященной 80-летию со дня рождения акад. АН УзССР Юнуса Ражаби (1897—1976), вкратце рассказывается о жизни и творчестве этого талантливого деятеля искусств Узбекистана.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

**К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

В советской социологической литературе достаточно полно исследованы и исследуются проблемы истории и теории социалистической культуры. Однако отдельные аспекты ее (например, специфика преемственности в ее развитии) стали объектом теоретического рассмотрения сравнительно недавно и, естественно, требуют дальнейшего и глубокого исследования.

В 50-е годы проблема преемственности разрабатывалась в нашей социологической литературе в основном в связи с рассмотрением закона отрицания отрицания. Со второй половины 60-х годов наблюдается тенденция специального ее изучения (см., напр., работы Э. А. Баллера, В. М. Канряна, В. К. Чалояна, И. П. Полищук, В. В. Гринина, А. В. Ладыгиной, А. С. Бушмина, Г. А. Чистова, Г. Н. Исаенко, Н. В. Дьяченко и др.). Исследователи рассматривали преемственность как общепhilosophическую категорию, объективную закономерность развития действительности, выявляли материальные основания, сущность, роль и значение преемственности в развитии социалистической культуры и т. п.

Однако далеко не все аспекты этой многогранной проблемы нашли свое отражение в нашей литературе. Здесь, в частности, мы остановимся на некоторых особенностях преемственности в развитии культуры социалистического общества на первом этапе культурной революции.

Победа Великого Октября знаменовала не только начало ликвидации частной собственности и эксплуатации человека человеком и возникновения новых социальных отношений на базе общественной собственности на средства производства, но и начало ликвидации духовного порабощения трудящихся эксплуататорскими классами, смены стихийного процесса культурно-исторического развития сознательным, научно обоснованным преобразованием всех сторон общественной жизни, а также изменения самого человека как субъекта культурно-исторического процесса.

Становление качественно новой, социалистической культуры развертывалось в условиях острой борьбы с реакционной идеологией и культурой свергнутых революцией эксплуататорских классов.

В частности, в Узбекистане и других республиках Советского Востока пришлось вести решительную борьбу против различных проявлений великодержавного шовинизма, буржуазного национализма, панисламизма и пантюркизма. Ареной упорной борьбы была и проблема использования культурного наследия.

Следуя ленинским заветам, Коммунистическая партия всемерно содействовала строительству новой культуры не в отрыве, а на основе творческого использования лучших достижений культурного наследия прошлого.

При этом партия учитывала, что социалистическая культура развивается не только в рамках классовых отношений, но и в рамках отношений национальных, которые по сути своей носят интегральный характер, включая социально-экономические, политико-идеологические, морально-эстетические и другие отношения. Успех культурной революции в такой многонациональной стране, как Россия, во многом зависел от правильного решения проблемы национальных отношений, тесного культурного сотрудничества и взаимодействия всех народов страны.

Как известно, ко времени победы Октября уровень социально-экономического и культурного развития народов России был различным. В центральных районах страны он соответствовал развитым капиталистическим общественным отношениям, а во многих национальных районах господствовали средневековые и даже патриархально-родовые общественные отношения. Далеко не все народы к тому времени сложились в нации с относительно развитой экономикой и культурой, и глубокие разрывы между культурами различных регионов неизбежно накладывали свой отпечаток на преемственное развитие культуры у отдельных народов и по стране в целом.

Поэтому в начальный период преэстивенность между культурами советских наций и народностей носила односторонний характер. В частности, наблюдалось преимущественное влияние развитых национальных культур передовых наций на культуры бывших колониальных окраин царской России. Основы широкого взаимообогащения, активного многостороннего культурного сотрудничества между всеми нациями и народностями страны тогда еще только закладывались.

Мудрая ленинская национальная политика, титаническая деятельность партии и Советского государства в области культурного строительства, благотворное влияние развитых национальных культур на молодые национальные культуры, правильное отношение к культурному наследию прошлого обеспечили все более интенсивный процесс сокращения резкого разрыва в культурном развитии народов нашей страны. Так, в переходный период более 40 народов СССР получили научно разработанную письменность, сложилась новая, советская система народного образования, в основном была ликвидирована неграмотность, открывались вузы (например, в сентябре 1920 г. в Ташкенте был учрежден Туркестанский государственный университет — первый вуз в Средней Азии) и средние специальные учебные заведения, росла сеть учреждений культпросвета и т. д.

Значительное развитие получили различные жанры искусства. Уже в 1930 г., как отмечал А. В. Луначарский, советский профессиональный театр говорил на 35 языках народов СССР, в том числе на узбекском, таджикском, киргизском, туркменском и др. Открывались учебные заведения для подготовки национальных кадров деятелей культуры и искусства (еще в 1918 г. были организованы Ташкентская народная консерватория, художественный музей, в 1919 г. открыта Ташкентская художественная школа и т. д.).

20—30-е годы стали периодом большого подъема и в области литературы. Литература Советского Узбекистана, как и все братские литературы, формировалась на основе плодотворного метода социалистического реализма и путем критической переработки прогрессивного литературного наследия прошлых веков, а также фольклора. Вместе с тем она развивалась и мужала под непосредственным благотворным влиянием литературы русского и других народов СССР.

В рассматриваемый период в Узбекистане появляется блестящая плеяда поэтов и писателей, воспринявших лучшие традиции Лутфи и Навои, Бабур и Машраба, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Чехова, Мухоми и Фурката и правдиво отразивших свою эпоху — эпоху перехода к социализму. Замечательные произведения создавали С. Айни и Хамза Хаким-заде Ниязи, Айбек и Айдын (Манзура Сабирова), Гафур Гулям и многие другие литераторы.

В национальных республиках бурно развивалась и наука, росли ее национальные кадры.

Некоторые авторы полагают, что именно на первом этапе культурной революции начинается процесс выравнивания уровней национальных культур. Например, Г. Г. Карлов пишет: «Главным во взаимодействии национальных культур в это время является помощь развитых народов отстающим. Идет процесс выравнивания национальных культур путем подъема отстающих до уровня передовых»¹.

На наш взгляд, на первом этапе культурной революции идет процесс сокращения резкого разрыва в культурном развитии народов СССР, а не выравнивания уровней национальных культур. Во-первых, выравнивание уровней культур есть целенаправленный, многосторонне-активный процесс, предполагающий не одностороннее воздействие одних национальных культур на другие, а взаимовлияние и взаимообогащение, для чего необходима определенная степень внутренней зрелости культур ранее отсталых народов. Во-вторых, в стране тогда существовали культуры различных типов (а не уровней), от патриархально-родового до социалистического, которые были продуктом соответствующих общественно-экономических формаций и еще должны были развиваться в социалистические, разумеется, с различными пока культурными уровнями. В-третьих, многим народам предстояло сложиться в нации, сформировать единую форму национальной культуры, создать современные формы художественного творчества, науки, без чего нельзя было и мечтать о выравнивании уровней национальных культур. В-четвертых, процесс выравнивания уровней может происходить в тех национальных культурах, которые принадлежат к определенному типу культуры, являясь продуктом одной общественно-экономической формации, но различаются глубиной теоретического и нравственно-эстетического восприятия и отражения действительности, уровнем художественной зрелости искусства, литературой, богатством гуманистических и реалистических традиций, степенью адекватности отражения действительности.

Первый этап культурной революции и призван был создать единую, социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру социалистических наций, сердцевинной которой является идеология марксизма-ленинизма. Но само созда-

¹ Карлов Г. Г. Ленин о культурной революции. М., 1970, с. 389.

ние социалистической по содержанию и национальной по форме культуры еще не означает достижения одинакового уровня развития национальных культур.

На данном этапе идет процесс создания условий — материальных, политических и идеологических — для дальнейшего этапа — выравнивания уровней национальных социалистических культур на основе взаимного сотрудничества и взаимообогащения (в отличие от односторонней помощи более развитых наций ранее отсталым в культурном отношении народам, как это было на первом этапе культурной революции).

Кроме того, в этот период в культуре каждого народа шла острая идейная борьба между ее прогрессивно-демократическими и социалистическими элементами, с одной стороны, и патриархально-феодальными и буржуазными, — с другой. Таким образом, в исследуемый период происходит преимущественно преемственное развитие в культуре каждой нации, народности, наряду с действием односторонней преемственности между национальными культурами.

Например, узбекская советская литература в процессе своего становления вела упорную борьбу с буржуазно-националистической литературой, представители которой отрицали применимость теории и практики научного социализма к условиям Средней Азии, стремились оторвать узбекскую литературу от многонациональной советской социалистической литературы, прежде всего русской.

Однако определяющая тенденция развития была на стороне социалистической культуры, активными творцами которой выступали сами трудящиеся массы, а питающей основой — идеология марксизма-ленинизма.

Изучение истории культурной революции в нашей стране, в том числе в Узбекистане, показывает, что исходными ступенями успешного развития социалистической культуры в целом и каждой национальной культуры в отдельности служат:

1) использование каждым народом прогрессивно-демократических элементов своей прошлой и современной культуры;

2) взаимодействие культур более развитых народов;

3) творческое восприятие прогрессивно-демократической культуры более развитых народов ранее отсталыми народами.

Таким образом, социализм по своей внутренней природе выступает законным преемником и продолжателем всего позитивного идейно-художественного материала, творческой энергии и опыта минувших эпох и современности. Из этой особенности социализма вытекает и такая специфика преемственности на первом этапе культурной революции в нашей стране, как одновременность (параллельность) действия «вертикальной» (преемственность между прошлой и настоящей культурой народов) и «горизонтальной» (взаимодействие сосуществующих культур) преемственности в развитии культуры братских народов СССР.

Д. З. Талипов

ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЪЕКТА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОСВЯЗИ ЕГО ЧАСТЕЙ

Понятия «целое», «часть», «целостность» — одни из древнейших категорий философии. Тем не менее интерес к ним в современной философской литературе весьма высок. Это вполне естественно, ибо указанные понятия, как и любые другие, изменяются, «живут», отражая на каждом новом этапе развития знаний изменения представлений человечества по вопросу единства и расчлененности объектов. «В ходе познания объектов материального мира, — как справедливо отмечает Н. Т. Абрамова, — нет ничего похожего на так называемый неизменный принцип целостности... Он в основном является таким, каким его делают конкретные условия научного знания.

Так под формирующим влиянием стиля мышления эпохи, его основных господствующих идей и принципов возникает локальная модель принципа целостности¹.

Диалектический материализм, объясняя возникновение свойств объекта как целого, исходит из его внутренних процессов и тем самым преодолевает ограниченность чисто суммативных представлений о целом. Основой этого служит выделение специфической взаимосвязи, взаимодействия частей целого, обуславливающего его целостность, объективное единство его частей. В результате каждый компонент, из которого образовалось целое, изменяется, становясь собственно частью целого. Вся же совокупность исходных компонентов, взаимно изменяясь, обретает качественно новую определенность, переходит в новое качество — целое со специфическими свойствами, не присущими сумме свойств исходных компонентов.

Это можно наглядно проиллюстрировать на примере образования любой молекулы как целого. Так, при соединении натрия с хлором образуется поваренная соль. При этом свойства поваренной соли существенно иные, нежели свойства натрия и хлора, взятых отдельно. Натрий — типичный щелочной металл, из-за своей активности не встре-

¹ Абрамова Н. Т. Целостность и управление. М., 1974, с. 234—235.

чающийся в природе в свободном состоянии. Хлор — типичный неметалл, из-за своей активности также не встречающийся в свободном состоянии в естественных условиях. Поваренная же соль имеет совершенно иные свойства, в частности, она складывается огромными пластами и миллионы лет практически не изменяется.

Таким образом, соединением активного металла натрия и активного неметалла хлора порождается качественно новый объект — инертную поваренную соль. Основу этого нового качества, очевидно, образует взаимная связь атомов хлора и натрия в молекулах поваренной соли, где указанные атомы претерпевают изменение, становясь собственно частями молекул поваренной соли. Натрий отдает хлору свой единственный электрон с внешней оболочки, обеспечивая тем самым свою устойчивость, а хлор, принимая этот электрон, также заполняет свою внешнюю оболочку до устойчивого состояния. Отсюда устойчивость, инертность молекулы поваренной соли как целого. При этом, если говорить точнее, электрон атома натрия переходит на характерную только для молекулы поваренной соли специфическую молекулярную орбиту. Кроме того, происходит перераспределение плотности электронных облаков даже на более низких (не валентных) электронных уровнях², что также говорит о существенных изменениях атомов натрия и хлора в молекуле и возникновении специфических свойств, характеризующих целостность молекулы.

Диалектико-материалистическая трактовка целостности объекта нашла свое конкретное воплощение в современном системном подходе к объектам³. При этом она базируется на диалектико-материалистическом понимании категории целостности, которое конкретизируется в специфической системной форме.

В рамках системного подхода к объекту взаимосвязь его частей находит свое конкретное воплощение в структурах и иерархии структур объекта. «Специфика структуры, — замечает В. Г. Афанасьев, — зависит прежде всего от природы компонентов в системе. Вместе с тем, вытекая из природы частей, структура играет огромную роль в системе: связывает компоненты, преобразует их, придавая некую общность, целостность, она обуславливает возникновение новых качеств, не присущих ни одному из них... Без устойчивых связей, взаимодействия компонентов, то есть без структуры, система перестала бы существовать как данное конкретное целое»⁴.

Основу целостности составляют не абстрактные, а вполне конкретные, определенные связи его частей, элементов, его структуры и иерархии структур. Это, на наш взгляд, позволяет говорить не об абстрактной целостности объекта как таковой, а, во-первых, об относительной целостности объекта, т. е. лишь в отношении к определенным связям его частей, элементам, структурам и иерархии структур, и во-вторых, о конкретном характере целостности объекта, обусловленном неповторимым, конкретным характером связей его частей, элементов, структур и иерархии структур. Если некоторая связь частей, элементов объекта или его структура существует, то по отношению к ней объект целостен. Поскольку связей и структур в любом объекте — бесчисленное множество, то в отношении каждой из них можно и нужно говорить о целостности объекта. В этом и проявляется ее относительный характер. Конкретная же целостность объекта во всех ее аспектах в полном объеме характеризуется иерархией структур объекта, отражающей единство и конкретный характер всех его внутренних связей и структур.

Представители специальных наук в своих исследованиях подходят именно к таким представлениям о целостности рассматриваемых явлений. Так, эколог В. И. Зайка отмечает: «Исследуя явление или процесс, его стараются охватить «в целом», т. е. в естественных границах... Каждый биотип представляет, с позиции эколога, целое. Все живые организмы, населяющие биотип, являются пространственно целым объектом — сообществом... После этого эколог определяет, в каких взаимоотношениях данное сообщество находится с соседними сообществами. Это дает возможность установить границы функционально целого сообщества — биоценоза, т. е. относительно автономной живой системы, которая существует за счет энергии солнца и не нуждается в поступлении извне энергии в виде органического вещества. Таким образом, система считается целостной не вообще, а в определенном отношении»⁵.

² См., напр.: Краснов К. С. Молекулы и химическая связь. М., 1977; Барнард А. Теоретические основы неорганической химии. М., 1968.

³ См., напр.: Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964; Блауберг И. В. Проблема целостности в марксистской философии. М., 1963 (обл. 1964); Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965; Свиidersкий В. И. О диалектике элементов и структуры. М., 1962, и др.

⁴ Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании. — «Вопросы философии», 1973, № 6, с. 103.

⁵ Зайка В. Е. Системный подход в экологии (Материалы дискуссии). — В кн. «Системные исследования. Ежегодник. 1970», М., 1970, с. 127.

Из представлений об относительном и конкретном характере целостности объекта, на наш взгляд, следует, что не может быть объекта абсолютно не целостного, т. е. не целостного ни в каком отношении, ибо не может быть объекта, части которого не были бы хоть как-то взаимосвязаны, что непосредственным образом вытекает из важнейшего принципа диалектики — универсальной, всеобщей взаимосвязи предметов и явлений. Поэтому, как нам представляется, не правы те авторы, которые считают возможным существование нецелостных объектов⁶.

Так, Г. А. Югай утверждает, что «целостность присуща не всякому системному образованию»⁷. При этом авторы в качестве примера приводят кучу камней или песка, которая, по их мнению, служит образцом нецелостного образования. На деле же любая куча камней относительно целостна, имеет все признаки целостного объекта. Так, каждый камень, попадая в кучу, изменяется в сравнении с состоянием его вне кучи, ибо камни в куче действуют друг на друга (хотя бы своим весом), а значит, создают друг в друге дополнительные напряжения, деформации. Камень, лежащий внизу, испытывает большие внутренние напряжения, чем верхний. Иногда это приводит даже к качественному изменению нижних камней (например, они могут быть разрушены, смяты). Кроме того, каждая куча имеет свою структуру, посредством которой каждый камень связан с другими и может влиять на кучу в целом. Стоит убрать снизу один камень, и внутренние связи в куче, ее структура нарушатся, куча развалится, примет иную форму.

Из представлений об относительном и конкретном характере целостности объекта следует и невозможность существования, так сказать, «абсолютно целостного», т. е. целостного во всех отношениях объекта, ибо очевидно, что в одном и том же объекте одновременно не могут реализоваться все возможные в природе связи. Это, в свою очередь, определяется относительной противоположностью условий, необходимых для существования различных связей частей объекта.

Общепризнано, что самыми сложными, обладающими максимальным разнообразием связей, а значит, и объективно целостными в большем числе аспектов (в отношении большего числа связей) являются объекты биологии и социологии. Однако и им присущи лишь некоторые связи, характерные для тех низших форм движения материи, на базе которых они образовались. В частности, в организме человека невозможны связи, характерные для очень низких или очень высоких температур.

Таким образом, каждый объект имеющий связи, характерные для более высокой формы движения материи, содержит в себе лишь некоторую часть связей, присущих низшим формам движения материи. Следовательно, в отношении иных, не имеющих у него связей, его целостность вообще не проявляется, т. е. по отношению к ним объект не целостен.

Даже в пределах одной формы движения материи объект не может одновременно иметь все возможные для данной формы связи, что зависит от особенностей организации данного объекта. Например, общество не может быть одновременно и феодальным, и коммунистическим, равно как организм не может быть одновременно и молодым, и старым. Это и означает невозможность одновременного существования целостности общества и организма во всех аспектах, связанных с соответствующими формами их существования.

Итак, абсолютно целостных и абсолютно нецелостных объектов не бывает. Целостность каждого объекта конкретна и относительна, т. е. объект целостен лишь в отношении реально существующих связей составляющих его частей.

П. Н. Колошин

⁶ См., напр.: Кравец А. С. Вероятность и системы. Воронеж, 1970; Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970; Ахундов М. Д., Борисов В. И., Тюхтин В. С. Интеграция науки и системные исследования. — В кн. «Синтез современного научного знания», М., 1973, с. 224—249; Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965, и др.

⁷ Югай Г. А. Диалектика части и целого, с. 98.

XIX АСР ОХИРИ — XX АСР БОШЛАРИДА УЗБЕКИСТОН САНОАТИ ТАРИХИДАН

(Фаргона области материаллари асосида)

Чор маъмурияти тобора ўсиб келаётган Россия тўқимачилик саноати талабларини қондириши мақсадида XIX асрнинг 80-йилларидан бошлаб Ўрта Осиёда, жумладан Фаргона областада пахтачиликни ривожлантириши чораларини кўра бошлады. Шу мақсадада пахтанинг янги Америка нави еттиштирила бошлады. Агар 1889 йилда область

бўйича 18 514 десятина майдонга ана шу нав пахта экилган бўлса, 1895 йилга келиб бу майдон 88 758 десятинага етказилди¹.

Андижон уезида ҳам пахтанинг Америка нави экилган майдонлари ортиб борди. Чунончи, уездда 1890 йили йилги Америка нави экилган пахта майдонлар 7239 десятина, маҳаллий нав пахта майдонлари 1315 десятинани ташкил этган бўлса², 1896 йили 47 150 десятина майдонга Америка нави, 870 десятина майдонга маҳаллий нави³, 1900 йили эса 82 350 десятинага Америка нави, 667 десятинага маҳаллий нав пахта экилди⁴.

Шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, Андижон уезди Фарғона областида энг кўп пахта етиштирадиган район ҳисобланган. Пахта майдонларининг Андижон уезида марказлашганлиги шаҳар ва уездда пахта тозалаш саноатининг тараққий этишига олиб келди.

Андижонда дастлабки пахта тозаловчи завод 1880 йилда қурилиб, у Олимжонхўжа Муҳаммаджоновга қарашли эди. Заводда 38 ишчи ишларди⁵. Агар 1887 йилда Андижон уезида битта пахта тозаловчи ва пресловчи завод бўлиб, унда 11 ишчи ишлаб, йиллик ишлаб чиқариш маҳсулоти 7000 сўмини ташкил этган бўлса⁶, 1888 йилга келиб уларнинг сони 3 тага етди. Уларда ишловчи ишчиларнинг жами 71 кишини, йиллик ишлаб чиқариш маҳсулоти эса 536 000 сўмини ташкил этган⁷.

Бутун ўлкада бўлгани каби, Андижон шаҳрида ҳам саноатда ишлаб чиқариш ҳажми ва ишчиларнинг миқдори жиҳатидан пахта тозаловчи заводлар олдинги ўрнида турарди. Чунки Россия тўқимачилик саноатининг хом ашёга бўлган талабининг йилдан-йилга кучайиб бориши ўлкада яна кўپлаб пахта тозаловчи заводларнинг қурилишига олиб келди.

1892 йили Андижон шаҳрида 6 та йирик пахта тозаловчи заводлар бор эди. Шулардан бири — Юнган Файзи Мушневга қарашли пахта тозалаш заводида 17 ишчи ишлаган ва бир сезонда 1600 пуд пахта тозалаган⁸.

Олимжонхўжа Муҳаммаджонов заводи сезонда 84 787 пуд (30 ишчи)⁹, Ҳодихўжа Содиқ Ҳожиновга қарашли 2 та завод 16 000 пуд (72 ишчи)¹⁰, В. В. Томич заводи 206 000 пуд (98 ишчи)¹¹, Олимжонхўжа Қаримохун Собиров заводи 92 000 пуд (39 ишчи)¹² пахта тозалаган.

Заводларда ишлаётган ишчиларнинг деярли кўпчилигини маҳаллий миллат вакиллари ташкил этарди. Шаҳарда завод ва фабрикаларнинг ташкил топиши бу ердаги майда хунармандчилик корхоналарининг синишига олиб келди. Оқибатда хунармандлар ва айрим деҳқонлар заводларга келиб ишлаб бошлади. 1899 йилга келиб Андижон шаҳри ва уезидаги 18 пахта тозаловчи заводларда 900 нафардан ортқ ишчи ишламоқда эди¹³.

XIX асрнинг сўнги йилларига келиб Туркистон ўлкасининг қатор шаҳарлари, шу жумладан Андижон шаҳри ҳам Марказий Россия билан темир йўл орқали боғланди. Бу эса ўлка ишлаб чиқариш кучларининг тараққий этишида, капиталистик муносабатларнинг ташкил топиши ва ривожланишида асосий восита бўлиб хизмат қилди.

В. И. Ленин «Россияда капитализмнинг тараққийи» деган машҳур асарда бу тарихий ўзгаришларни характерлаб шундай деган эди: «...Рус капитализми Кавказни бутун дунё товар муомаласи доирасига тортди, унинг маҳаллий хусусиятларини — қадимги патриархал бандлик қолдиқларини йўқота борди ва ўз фабрикалари учун ўзига бозор вужудга келтирди... Ўрта Осиёда ҳам, Сибирда ҳам ва бошқа жойларда ҳам худди шундай ҳол юз берганлиги ва бераётганлиги тўғрисида гапиришимизга ҳожат йўқ»¹⁴.

Темир йўlining Андижонга етказилиши бу ердаги пахта тозаловчи, ёғ-мой заводлари ва бошқа саноат корхоналари учун асбоб-ускуналар келтириш имкониятини яратди. Бу эса ўз навбатида саноатдагина эмас, балки қишлоқ хўжалигида ҳам иш-

¹ Туляганова М. А. Роль Ферганской области в торговых связях России со Средней Азией (вторая половина XIX — нач. XX в.). АКД, Ташкент, 1972, с. 21.

² ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 24149, л. 14, 15.

³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 1460, л. 176, 18.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 69, д. 23319, л. 3.

⁵ Мелик-Саркисян С. А. Урочище Рус Ферганской области. К вопросу о положении хлопкового дела в Ферганской области и меры к его упорядочению. СПб., 1889, с. 74—75.

⁶ Обзор Ферганской области за 1887 г. Нов. Маргилан, 1889, ведомость № 2.

⁷ Обзор Ферганской области за 1888 г., ведомость № 2.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 24350, л. 30.

⁹ Там же, л. 31.

¹⁰ Там же, л. 32.

¹¹ Там же, л. 35.

¹² Там же, л. 36.

¹³ Обзор Ферганской области за 1899 г. Нов. Маргилан, 1901, с. 162—163.

¹⁴ Ленин В. И. Тўла асарлар тўплами, 3-том, 673—674-бетлар.

лаб чиқарувчи кучлар ва капиталистик муносабатларнинг ривожланишига таъсир кўрсатди. Шу билан бирга шаҳарларнинг ижтимоий-иқтисодий тараққиётига ва аҳолининг ўсишига, ишчилар синфининг ортиб боришига сезиларли туртки бўлди. Умуман, В. И. Ленин таъбири билан айтганда, «Закаспий темир йўли капитал учун Ўрта Осиёни «оча» бошлади»¹⁵.

1900 йилга келиб уездда 19 та пахта тозаловчи завод бўлиб, улар йилга 640 000 сўмлик пахтани қайта ишлаган. Бу заводларда жами бўлиб 1200 ишчи ишлаган¹⁶. 1906 йилда эса, заводларнинг сони 32 тага етди.

Шуни таъкидлаш лозимки, пахта тозалаш заводларининг жойлашиши жиҳатидан Андижон шаҳри уездга нисбатан олдинги ўринда турган. Чунотчи, 1899 йили уезддаги мавжуд 18 пахта тозаловчи заводлардан 14 таси шаҳарда, қолган 4 таси эса уездда жойлашган¹⁷. 1910 йилга келиб эса уезддаги 36 пахта тозаловчи заводлардан 24 таси шаҳарда, 12 таси уездда¹⁸, 1914 йилда эса 44 заводдан 26 таси шаҳарда, 18 таси уездда жойлашган¹⁹. Шу билан бирга, Андижон шаҳри Улуг Октябрь социалистик революциясига қадар фақатгина пахта тозаловчи заводларнинг сони жиҳатидангина уездга нисбатан олдинги сафда бўлмай, балки уларнинг йиллик ишлаб чиқарган маҳсулоти жиҳатидан ҳам олдинги ўринда бўлган. Чунотчи, шаҳарнинг 2-қисмида жойлашган 7 та пахта тозалаш заводининг ўзингина 1906 йилда 3 600 000 сўмлик пахтани қайта ишлаган²⁰. Еки 1913—14 йилларда уездда ҳар бир завод ўртача — 130 710 пуд, минимум — 50 000, максимум — 207 000 пуд; шаҳарда ўртача — 289 733, минимум — 27 000, максимум — 1 050 000 пуд пахтани қайта ишлаган²¹. Андижон пахта тозаловчи заводлари область шаҳарлари пахта тозалаш заводларига нисбатан ҳам меҳнат унумдорлиги жиҳатидан анча устун бўлган. Чунотчи, Андижондаги 26 пахта тозаловчи завод 7 533 053 пуд пахтани қайта ишлаган, ёки ўртача ҳар бир заводга бу рақам 289 733 пуддан тўғри келган бўлса, Намангандаги 17 завод 4 114 949 пуд, ўртача ҳар бир завод 24 2056 пуддан, Қўқондаги 10 завод эса 2 351 736 пуд, ўртача ҳар бир завод 235 174 пуддан пахтани қайта ишлаган²². Демак, Андижон пахта тозалаш заводлари фақатгина областда эмас, балки бутун ўлкада меҳнат унумдорлиги жиҳатидан анча устун бўлган.

Шаҳар саноатида пахта тозалаш заводларидан кейин ёғ заводлари турган. Областда ва шу жумладан уездда пахта етиштиришининг тобора ўсиб бориши 1900—1905 йиллардан бошлаб кўплаб ёғ заводларининг қурилишига олиб келди.

1901 йил москвалик савдогар Константин Соловьев Чуст шаҳрида ўзига қарашли пахта тозаловчи заводда чигитдан ёғ ишлаб чиқариш учун махсус машиналар ўрнатди²³. Бунгача бутун ўлкадаги сингари Андижонда ҳам ёғ ишлаб чиқариш от билан ҳаракатга келтирувчи кичик кустар характерда бўлган корхоналарда амалга оширилари. Фақат XX аср бошларига келиб ёғ ишлаб чиқариш саноатининг йирик тармоғига айланиб борди.

Андижонда 1907 йил «К. М. Соловьев и К^о» фирмаси томонидан ўлкада йирик; энг янги техника воситалари билан жиҳозланган пахта тозаловчи ва ёғ ишлаб чиқарувчи завод қурилди. Завод Андижон станцияси яқинига жойлашган бўлиб, темир йўл шаҳобчаси орқали станция билан боғланган ҳамда ишлаб чиқарилган ёғни узоқ масофаларга элтиш учун 150 та шахсий вагон-цистерналарига эга бўлган²⁴.

Шу йили шаҳарнинг Тила-хўжа кварталда «Фаргона ширкати» фирмаси томонидан иккинчи ёғ заводи қурилди²⁵. Қуйида (жадвал 1) ёғ заводларининг ишлаб чиқарган маҳсулоти, ишчилар, механизмлар сони билан танишиш мумкин²⁶.

Шундай қилиб, ёғ заводлари йилдан-йилга кенгайиб, катталашиб борди. Агар 1909 йилда ҳар иккала ёғ заводида ишчилар сони 185 нафарни ташкил этиб, ишлаб чиқарган маҳсулоти 1300 минг сўмга етган бўлса²⁷, 1910 йилга келиб, уларнинг умумий обороти 5 мл. сўмга етди²⁸. 1913 йилга келиб уездда ёғ заводлари сони 4 тага

¹⁷ Демидов А. П. Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. М., 1922, с. 162.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, д. 1322, л. 450.

¹⁹ Демидов А. П. Указ. соч., с. 162.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-25, оп. 1, д. 20, л. 209.

²¹ Демидов А. П. Указ. соч., с. 163.

²² Там же, с. 164.

²³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 396, л. 4.

²⁴ Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. СПб., 1912, с. 312.

²⁵ Конопка С. Р. Туркестанский край, II-е издание. Ташкент, 1912, с. 155.

²⁶ 1-жадвал қуйидаги материаллар асосида тузилди: Статистический обзор Ферганской области за 1907 г. Скобелев, 1909, с. 62; то же за 1908 г., с. 106.

²⁷ Конопка С. Р. Указ. соч., с. 124.

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 753, оп. 25, д. 1322, л. 450.

лардан 24 таси шаҳарда, 12 таси у уездда¹⁸, 1914 йилда эса 44 заводдан 26 таси шаҳардаги маҳсулоти жиҳатидан ҳам олдинги ўринда бўлган. Чунотчи, шаҳарнинг

етди. Улар жами 382 ишчи ишлаб, йиллик ишлаб чиқарган маҳсулоти 16809200 сўмни ташкил этди²⁹.

«К. М. Соловьев и Ко» фирмасига қарашли пахта тозаловчи ва ёғ заводи Андижонда техника ва жиҳозланиш жиҳатидан бошқаларга нисбатан дуруст ҳисобланган. Пахта заводдада 8 джин. машинаси ишлаб, бир суткада 5600 пуд пахтани қайта ишлаган, ҳамд 10 та ёғ ишлаб чиқарувчи машина суткасига 1800 пудгача ёғ ишлаб чиқарган. Завод тўла электр энергияси билан ёритилган. Бунинг учун завод қошида 360 ампер қувватга эга бўлган махсус электр станцияси қурилган. Шуниси характерлики, заводда ҳамма қўлайликларга эга бўлган (слесарлик, столяр, токарлик, темирчилик ва дегрезлик) устаконалар бўлиб, барча ремонт ишлари заводнинг ўзида бажарилган³⁰.

I-жадвал

Йиллар	Заводлар сони	Пресс-сар сони	Ишчилар сони	Бир кунлик қайта ишланган чигит (пуд ҳисобида)	Сезон давомида қайта ишланган чигит (минг пуд ҳисобида)	Олинган маҳсулот (минг пуд)			
						ёғ	момиқ	кункара	шелуха
1907	2	8	125	7 000	1820	240	14	66	903
1908	2	12	150	11 000	2050	290	16	716	1025

1908 йил К. М. Соловьев томонидан шаҳарда пар билан ишлайдиган дастлабки совун заводи қурилди. Бу завод бир суткада 600 пудгача совун тайёрлаш қувватига эга бўлди³¹.

1913 йилга келиб, уезддаги 2 та совун тайёрловчи завод бир йилда 8000 пуд (20 600 сўмлик) совун ишлаб чиқарадиган бўлди³². Булардан ташқари ёғ заводларининг деярли ҳаммасида оддий усулда ишлаб чиқарилган маҳсулот кўпроқ маҳаллий эҳтиёж учун ишлатилган. Маҳаллий бозорда совунининг ҳар пуди 2 сўм 50 тибиндан 4 сўмгача сотилган.

Фаргона области бутун Туркистон ўлкасида етиштириладиган пилланинг 80—90 процентини берар эди. Бу эса ўз навбатида Андижон шаҳри ва уездда ҳам пиллачиликнинг равиқига олиб келди. Чунончи, шаҳардаги 7648 ҳовлидан 1231 таси ёки 26,7 проценти, пиллачилик билан шугулланар эди³³.

Бутун ўлкада бўлгани сингари Андижонда ҳам пиллачилик билан асосан аёллар шугулланарди. Масалан, 1904 йилда Андижонда пиллачилик билан шугулланувчи аёллар сони 2000 кишини ташкил этди³⁴.

Демак, Андижонда ҳам аҳолининг кўпчилики қисми пиллачилик билан шугулланган. Шу сабабли давлатга қарашли мавжуд қурт уруги станциялари аҳолининг қурт уругига бўлган эҳтиёжини мутлақо қондирмаган. Облаstdа пилла етиштирувчи хўжаликларга уни асосан уезд шаҳарларида жойлашган хусусий қурт уруги заводлари етказиб берган. 1907 йилда областда ана шундай қурт уруги етказиб берувчи хусусий заводлар 7 та бўлиб, уларнинг 5 таси Андижон уездига жойлашганди³⁵.

Шаҳарда иккита пилла қуритиш корхонаси бўлиб, пилла 60—70° иссиқликда қуритиларди. Ҳар икки пилла қуритиш корхонасининг йиллик маҳсулоти 207350 сўмни ташкил қилиб, уларда 269 ишчи ишларди³⁶.

Ўлкада секин-аста маҳаллий, кустар характердаги кўн саноатидан фарқ қилувчи Европа типидagi хусусий кўн заводлари ҳам ташкил топди. Андижондаги кўн заводда бутун йил давомида 7725 сўмлик маҳсулот қайта ишлаб чиқарилган. Заводда фақатгина 4 ишчи ишлаган, шундан бир уста, иккитаси эса ўсирилари ташкил этган³⁷.

Ўлкада капиталистик муносабатларнинг ривожланиши, ички бозорнинг жонланиши, Фаргона областида шу жумладан Андижон шаҳрида ҳам саноат корхоналари

²⁹ Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916. Приложение № 10.

³⁰ Путеводитель по Туркестану..., СПб., 1912, с. 321.

³¹ Там же.

³² Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915, с. 171.

³³ Туркестанский сборник, т. 525, с. 99.

³⁴ ЦИАЛ, ф. 129, оп. 5, д. 213, л. 15.

³⁵ Статистический обзор Ферганской области за 1907 г. Скобелев, 1909, с. 39.

³⁶ Заорская В. В. и Александер К. А. Указ. соч., с. 182, 183, 186, 196.

³⁷ ЦИАЛ, ф. 432, оп. 1, д. 245, л. 13.

қурилиши ва ишга туширилишини тезлаштириб юборди. Кейинги йилларда шаҳарда саноат корхоналарининг ўсиш динамикаси қуйидагича бўлган (жадвал № 2).

Кўриниб турибдики, 1906 йилда саноат корхоналарининг умумий сони 58 тани, ишлаб чиқариш суммаси 12 969 973 сўми, улардаги ишчилар сони 1861 кишини ташкил этган бўлса, 1913 йилга келиб саноат корхоналарининг умумий сони 80 тага, уларнинг ишлаб чиқариш суммаси 18433924 сўмга, ишчилар сони эса 2302 кишига етган. Туркистон ўлкаси саноатини узоқ йиллар ўрганган В. В. Заорская ва К. А. Александрларнинг маълумотларига қараганда Андижон шаҳри саноат ривожланши жиҳатидан Фарғона области шаҳарлари орасида биринчи ўринда бўлган.

2-жадвал*

Саноат корхоналарининг номи	1906			1909			1913		
	миқдор	ишлаб чиқариш суммаси	ишчилар сони	миқдор	ишлаб чиқариш суммаси	ишчилар сони	миқдор	ишлаб чиқариш суммаси	ишчилар сони
Пахта тозаловчи	31	12 873 633	1675	36	2 751 276	1891	49	16 809 200	2009
Совун заводи	10	5 745	17	—	—	—	11	858 805	113
Кишечный	2	8 570	15	2	15 000	15	1	82 300	8
Пиво заводи	1	70 000	33	1	50 000	40	1	149 075	67
Спирт тозаловчи	—	—	—	—	—	—	3	455 812	41
Гишт заводи	14	12 025	121	18	90 500	183	13	26 700	51
Муз тайёрловчи корхона	—	—	—	—	—	—	2	22 032	10
Жами	58	12 969 973	1861	57	2 946 836	2129	80	18 433 924	2302

* Жадвал қуйидаги материаллар асосида тузилган: ЦГА УзССР, ф. И-25, оп. 1, д. 20, л. 225. Стат. обзор Ферганской обл. за 1909 г. Скобелев, 1911. Приложение № 13; то же за 1913 г., Скобелев, 1916. Приложение № 10.

1914 йилда шаҳарда пахта тозаловчи заводлар билан биргаликда 62 та турли хилдаги саноат корхоналари бўлиб, ишлаб чиқарган маҳсулоти 36 169 695 сўмни ташкил этган ва жами уларда 2435 ишчи ишлаган. Облаstda Андижондан кейин иккинчи ўринни Қўқон шаҳри эгаллаб, унда 49 турли заводлар бўлган, йиллик ишлаб чиқарган маҳсулоти эса 19 285 232 сўмни ташкил этиб, 2487 ишчи ишлаган³⁸. Лекин, Андижон саноат жиҳатидан биринчи ўринни эгаллаган бўлишига қарамастан, бутун ўлкада бўлгани сингари шаҳарда саноат тараққиёти техник жиҳатидан қолоқ ва мустамлака характерга эга бўлган.

Фабрика, завод ва бошқа корхоналарнинг ҳаммаси деярли ярим кустар характерга эга бўлиб, асосан, бу заводлар арзон ишчи кучи ёрдами билан Марказий Россия саноати учун хом ашё тайёрлаш мақсадида қурилганди. Бу умумий мустамлака мамлакатларига хос бўлган тараққиёт кўриниши эди. Чунки чекка ўлкаларда марказлашган саноатнинг вужудга келиши ва ишчилар синфининг йirik ишлаб чиқарувчи корхоналарга уюшуви подшоҳкуматининг манфаатларига бутунлай эди.

Саноатдаги ишчиларнинг яшаш ва ишлаш шароити жуда ёмон, иш вақти узоқ, иш ҳақи жуда оз эди. Чунки, Андижон пахта тозалаш заводларида иш вақти 10—14 соат бўлиб, иш ҳақи эса ойига 12—15 сўмни ташкил этарди, холос³⁹.

Андижон пахта тозалаш заводининг солиқ ишчиси И. Насриддинов ўз хотираларида шундай эслайди: «Улуг Октябрь социалистик революциясига қадар мен Миркомилбойнинг пахта заводидида қора ишчи бўлиб ишлар эдим. Заводда ишчилар аҳволи жуда оғир эди. Бир кунлик иш вақти 16 соат бўлиб, бир ойлик иш ҳақи 5—6 сўмдан ошмас эди. Мен қора ишчи бўлганим учун ойига 3 сўмга етказиб иш ҳақи олар эдим. Бой ишчиларнинг меҳнат шароитини яхшилаш ҳақида ҳеч қандай гам-хўрлик қилмас эди. Заводдаги бу оғир шароит ишчилар ўртасида тез-тез норозилик тугдириб турарди»⁴⁰.

³⁸ Заорская В. В. и Александр К. А. Указ. соч., с. 107.

³⁹ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 24243, л. 29—39.

⁴⁰ Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области. Вып. 1. АГПИ. Андижан, 1957, с. 148.

Заводларда техника хавфензлиги ва ишчилар соғлиғини сақлашга ҳеч қандай эътибор берилмаган. Шу сабабли иш жараёнида бахтсиз ҳодисалар тез-тез рўй бериб турган. Шу бонедан ҳам ўлкада чиқадиган «Туркестанские ведомости» газетаси бу ҳақда шундай деб ёзганди: «гамғиллик билан маълум қиламизки, бизнинг (Андижондаги—Ш. А.) нахта тозалаш заводларимизда бахтсиз ҳодисалар сони камайиш ўрнига балки шундан ортиб бормоқда»⁴¹.

Лекин, булардан мустасно Туркистон ўлкасида, шу жумладан Андижонда завод типидagi корхоналарнинг вужудга келиши, маҳаллий пролетариатнинг шаклланишига туртки бўлди. Ўз навбатида бу процесс ўлкада революцион ҳаракатларнинг пайдо бўлиши, ривожланиши ва бу ҳаракатда маҳаллий пролетариатнинг иштирокидек тарихий воқеанинг содир бўлишида катта аҳамиятга молик бўлди, ҳамда рус ишчилари билан маҳаллий миллат ишчилари ўртасида мустаҳкам иттифоқ вужудга келди.

А. Шарафиддинов

⁴¹ «Туркестанские ведомости», 1902 г., 10 ноября.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О «ТАРИХ-И ВАССАФ»

Историческая хроника «Китаб таджзийат ал-амсар ва таздзийат ал-а'сар» («Книга разделения областей и прохождения времен»), более известная как «Тарих-и Вассаф», была написана в основной своей части в 1312 г. Шихад-ад-дином Абдуллахом ибн Фазлуллахом Ширази, прозванным Вассаф ал-хазрат (Панегрист его величества). Он служил в Фарсе чиновником финансового ведомства илханов и поэтому имел достаточное представление о налоговой системе и практическом применении ее на местах¹.

Огромный труд Вассафа, состоящий из пяти частей, дает широкую картину жизни Ирана в период правления монгольских илханов второй половины XIII — начала XIV в. Наиболее полно охарактеризовано тяжелое состояние Фарса. Наряду с льстивым прославлением ханов, обусловленным требованиями времени, автор ярко описал их безграничную жестокость и произвол, на конкретных примерах продемонстрировал «гибельные последствия их налоговой политики для земледелия и городской жизни областей Ирана»².

«Тарих-и Вассаф» довольно широко использован в соответствующих исследованиях советских и зарубежных ученых и получил высокую оценку как один из «наиболее ценных нарративных источников по социальной истории Ирана»³. При этом подчеркивается, что он содержит много интересных сведений, отсутствующих в других источниках⁴.

Вместе с тем большинство исследователей в качестве серьезного недостатка отмечают «высокохудожественный стиль и утомительное многословие»⁵ этого произведения. Очевидно, поэтому «Тарих-и Вассаф» при всей своей известности относится к числу малоизученных памятников средневековой историографии. А между тем почти на всем протяжении своего существования это произведение признавалось носителями персидско-таджикской культуры одним из эталонов красноречия⁶. Кроме того, исследователи полагают, что данный труд был взят за образец и повлиял на более поздние историографические сочинения⁷.

Известный иранский поэт и филолог М. Бахар утверждает, что такой усложненный, орнаментированный стиль получает свою законченность в хронике «Тарих-и Джахан-гушай»⁸ Джувеини (ум. в 1283 г.). В этом произведении изложение полностью подчиняется сложившемуся литературному этикету, согласно которому действительность изображается не такой, какой она была, а такой ей причисляется быть по представлениям той эпохи.

¹ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, с. 16.

² Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, с. 170.

³ Петрушевский И. П. Земледелие..., с. 16. См. также: Бартольд В. В. Соч., т. I, М., 1963, с. 97; Пигулевская Н. В. и др. История Ирана..., с. 170.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Сабжшунеси (Систематика). Т. III. Тегеран, 1959, с. 99—100 (на перс. яз.).

⁷ Пигулевская Н. В. и др. История Ирана..., с. 170.

⁸ Сабжшунеси, т. III, с. 53.

Разумеется, историограф не может произвольно менять ход событий или поведение тех или иных лиц. Но этикет определяет подбор фактов, авторскую интерпретацию явлений и характеристику исторических деятелей. Например, в героическом эпосе и историографии стал традиционным образ идеального монарха, главными чертами которого являются справедливость и благотворительность. Именно таким и изображен воспеваемый Джувейни Менгу-каан: «Северный ветер его достоинств, состоящих в справедливости, сделал благоуханными [все] края мира. Солнце его царственных милостей да озарит [все] категории рода человеческого»⁹. По канонам этикета, такого рода характеристики требовали употребления рифмованной прозы (садж'). Так, приведенный отрывок построен по принципу аллитерации однокоренных слов.

Таким образом, цель автора состояла не в приближении повествования к действительности, а в подборе эталонных стандартов для характеристики событий и лиц. Поскольку ни ставшее уже традиционным отношение к Чингисхану, ни собственные убеждения историографа не позволяли подвести столь одиозную фигуру под эпитет «справедливого» и тем более «просвещенного» монарха, он предстает а не кснее трафаретном одеянии злого гения типа Зохака. Изображение Чингисхана достигает особой условности потому, что Джувейни избегает прямых характеристик и рисует его образ посредством показа ужасающих последствий его деятельности: «...Медяре с уроками уничтожены, и признаки науки угасли, а [различные] категории ищущих ее — во власти лежащих [их] бедственных событий, распотанние вероломной судьбой и крайне обманчивым роком, захвачены превратностями буквально во всех областях и всевозможных [случаях]...»¹⁰. Хотя здесь автор почти избегает метафорической образности, он по-прежнему сохраняет садж'евую ритмизацию фраз, создаваемую консонансом однокоренных слов.

Однако условные, эпически обобщенные образы и картины в хронике Джувейни сочетаются с реалистическими деталями и зарисовками, которые придают яркость этикетному в своей основе изложению. Элементы реалистичности вводятся автором обдуманно, а потому не создают противоречий, встречающихся в других сочинениях (например, в хронике Рашид-ад-дина). Историограф прибегает к подобным деталям чаще всего в тех случаях, когда, уклоняясь от прямой оценки событий или лиц, он приводит некоторое подобие протокольной записи, как бы призывая читателей самостоятельно сделать те выводы, которые автор не решает сформулировать сам. Это можно продемонстрировать опять-таки на образе Чингисхана, созданном в хронике косвенным путем, через описание связанных с ним событий. Взять, например, сцену осквернения монгольскими войсками храмов в Бухаре. Здесь действия и слова Чингисхана переданы на редкость конкретно: «...Он поднялся на две-три ступени мимбара и повелел: «Степь лишена травы, накормите наших коней!» Открыли амбары, кои были в городе, и принесли зерно, во внутренних двор мечети принесли сундуки для хранения Коранов и побросали Кораны там и сям, а сундуки превратили в конские ясли...»¹¹. В подобных случаях исключается как метафоричность, так и рифмованность и ритмизация фраз. Такое соотношение формы и содержания стало к XVIII в. почти непреложным законом. Части, отличающиеся реалистической конкретностью, как правило, написаны лаконичными фразами, простыми в синтаксическом и лексическом отношениях.

Что касается Вассафа, то он проявил еще большую приверженность к конкретным деталям, чем даже Рашид-ад-дин, который, во многом полтора Джувейни, дополняет его фактическими данными. Например, повествуя о введении бумажных денег при Кейхату-хане (1291—1295 гг.), Вассаф приводит описание купюры, отсутствующее у Рашид-ад-дина: «...По верхнему краю четырехугольного продолговатого листа бумаги было написано несколько слов..., а над ними с двух сторон было написано: «Нет бога, кроме бога, Мухаммад, посланник божий» [как на] чекане денег золотой и серебряной чеканки. А в середине — набор цифр и печать (тугра) бумага государственных рескриптов, и в самом конце сего [была] подведена черта, а под ней начертано: «Иаранджин турдж»¹². В середине был начерчен круг, в стороне от точного центра были изображены цифры от половины дирхема до десяти динаров и по [прямой] линии было выведено каламом, что государь мира в год шестьсот девяносто третий¹³ выпустил во владениях сии благословенные кредитные деньги. Вносящего изменения и исправления подвергнут казни с женой и детьми, а имущество его передадут в диван»¹⁴.

⁹ Juwayni. The Ta'rikh-i-Jahan-Gusha of Ala ud-Din Ata-Malik-i Juwayni. Ed. by Mirza Muhammad Qazvini. Vol. 1. London, 1931, p. 2.

¹⁰ Джувейни. Указ. соч., т. I, с. 4.

¹¹ Там же, с. 81.

¹² Монгольский почетный титул Кейхату-хана.

¹³ 1293/1294 г.

¹⁴ Тарих-и Вассаф, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1603, л. 1466.

Не менее детализировано и описание последствий введения этих денег, которое значительно дополняет сведения Рашид-ад-дина¹⁵.

Однако увеличение конкретными деталями не приводит автора к упрощению языка. Разумеется, между различными по содержанию частями хроники существует значительное расхождение в словесном оформлении, и философские размышления Вассафа неизмеримо сложнее, чем изложение конкретных наблюдений. Но предельная лаконичность протокольной записи почти полностью исключена. Так, пересказывая встречающиеся у Рашид-ад-дина сведения о состоянии казны накануне учреждения Кейхату-ханом бумажных денег, историограф строит это сообщение следующим образом: «Цель сего изложения и сего предисловия [состоит] в том, что у казны была нужда в [получении] денег любым путем. Были подсчитаны поступления доходов с владений за один год — [они] дошли примерно до одной тысячи восьмисот туманов»¹⁶. Полностью исключив метафоричность и прочие тропы, автор, однако, не счит возможным отступить от законов построения рифмованной прозы (садж'), обильно снабдив сообщение аллитерацией.

Вассаф широко использует и арабизмы. Приведенный отрывок по оформлению можно сравнить с изложенным выше повествованием Джувеини о губительных последствиях нашествия Чингисхана. Но у Джувеини в такой форме передаются раздумья обобщающего характера, а у Вассафа — конкретные факты. Как только автор переходит к более общим рассуждениям, он, помимо аллитерации, прибегает к тавтологии и сравнению: «Когда благословенные кредитные деньги потекли вместо золота, подобно слезам разлученных, бедность, нищета, убожество и немощь удалились из среды народа, и он (народ) стал приобретать хлеб и зерно по дешевой цене»¹⁷.

Мы привели лишь простейшие по своему оформлению примеры из «Тарих-и Вассаф». В других случаях средства орнаментирования используются гораздо шире. Так, сообщение о засухе в Ширазе развернуто в следующую картину: «Кормилица-туча во вскармливании молодых побегов огородов сосками своего вымени не смочила уста растений весеннего урожая, и детница-растения, подобно калекам, до того, как [их] члены произросли, обратились в ничто»¹⁸. Здесь мы сталкиваемся с излюбленным приемом Вассафа — приложение, рифмовка и ритмизация фразы конструируются ассонаисом повторяющихся окончаний.

Таким образом, в стиле «Тарих-и Вассаф» наблюдается качественный сдвиг, с тем которого состоит в том, что элементы реалистичности в изображении событий и лиц утрачивают лаконизм деловых записей и обряжаются в одеяние витиеватого орнамента. Однако цель этой образности состоит не в стремлении приблизить описание к реальной действительности, а, напротив, скрыть подлинный облик изображаемого. Характерно, что при всей изощренности наблюдается трафарет в повторяемости образов: красавицы и виночерпии, как правило, «перилликие», с «ланитами, подобными тюльпанам», «вино подобно по чистоте обету влюбленных», воздух благородного собрания «благоухает, подобно мускусному свадобю и амбре шей гурий», войско по многочисленности подобно скопищу муравьев и саранчи, а блеск сабли — «подмигиванию красавиц, уносящих душу».

Как уже упоминалось, Джувеини, описывая жестокость войск Чингисхана, пользуется предельным лаконизмом протокольной записи, видимо, создавая, что любое словесное украшательство неминуемо смягчит беспощадную правду реальности. Вассаф же в аналогичных случаях стремится к максимальному усложнению формы. При этом вместе с лаконичностью теряется и динамизм повествования.

Детализация и конкретизация описания излагаемых событий отнюдь не делают их более реалистичными, ибо автор использует традиционные этикетные сравнения. К тому же в «Тарих-и Вассаф» проявляется тенденция к выделению в конкретном лице не индивидуальных, а общих черт, описываемых к тому же трафаретными фразами. При этом происходит инвентаризация личности, человек превращается в абстрактного представителя той или иной категории рода людского, предусмотренной литературной традицией. Эта черта выделяется особенно рельефно при сравнении с произведениями другого типологического ряда, где описания внешности передаются зрительными образами. Так, у историографа XI в. Абу-л-Фазла Байхаки читаем: «Появился Хасанак без оков, в джуббе чернильного цвета, почти черной, поношенной, в дурра'е и очень красивой накидке, в нишапурской потрепанной чалме, в новых высокох микаловских сапогах, с приложенными волосами, спрятанными под чалму и только чуть-чуть видимыми»¹⁹. Изображая эмоциональные состояния своих персонажей, Байхаки также исключает декоративную образность и точно воспроизводит

¹⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.—Л., 1946, с. 135.

¹⁶ Тарих-и Вассаф, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1603, л. 146а; инв. № 4, л. 145б.

¹⁷ Тарих-и Вассаф, инв. № 1603, л. 146б.

¹⁸ Там же, л. 118а.

¹⁹ Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030—1041) Пер. с перс. А. К. Арендса. Изд. 2-ое, М., 1969, с. 260.

реальные ощущения: «Как только я узнал об этом, мне будто таз с огнем вылили на голову. Я страшно испугался махмудовой ярости и засох»²⁹.

В хрониках последующих эпох все более усиливается тенденция к почти полному исключению из повествования реалистических деталей и окончательной стандартизации словесного портрета.

Таким образом, в стиле «Тарих-и Вассаф» отразилось не совсем характерное для рассматриваемой эпохи пристрастие автора к конкретным деталям, благодаря чему в хронике приводятся сведения, выпущенные его предшественником Рашид-ад-дином. Но поскольку общий ход развития персоязычной литературы имел тенденцию к усилению этикетной условности в изображении действительности, это стремление Вассафа не могло привести к реалистичности. Сопоставление стиля «Тарих-и Вассаф» со стилем хроник более ранних и более поздних эпох свидетельствует о том, что это произведение отражает важный этап развития данного жанра, помогающий понять общий характер его эволюции.

Е. А. Полякова

²⁹ Абу-л Фазл Байхаки. Указ. соч., с. 207.

УНИКАЛЬНЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

Систематические исследования бассейна р. Чирчик позволили выявить и изучить многочисленные археологические памятники¹. Однако в районах среднего течения Чирчика ранее не были известны следы древнего и среднего палеолита. Первые находки, относящиеся к этому периоду, сделаны в 1972 г. в двух пунктах Ташкентской области, на берегах Чирчика.

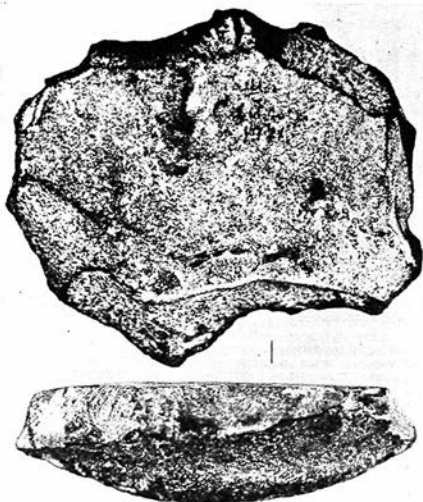

Рис. 1. Выемчато-скребущее орудие из Сайлыкка.

¹ Бурияков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973; Древности Чарвака, Ташкент, 1976, и др.

Одно местонахождение обнаружено сотрудником Музея истории народов Узбекистана им. Айбека К. Алимовым на древнем правом берегу Сайлыка (правый приток Чирчика). Это два интереснейших орудия древнего палеолита. Они изготовлены из серовато-темного камня мелкозернистой породы. Наибольший интерес представляет орудие из широкого и массивного отщепы (размеры $8,4 \times 9,9 \times 2,4$ см). Углубление ударной площадки не сохранилось, зато раковистый излом и ударный бугорок хорошо выражены, причем последний — высокий и охватывает большую часть отбивной поверхности орудия.

На спинке частично сохранилась естественная поверхность исходного материала. Характерно, что со стороны спинки по краям поперечными сколами произведена обработка, отчетливо местами образовались выемчатые края. Особенно глубокая выемка получилась на месте ударной площадки, где произведена дополнительная ретушь. Таким образом, перед нами грубое выемчато-скребущее орудие древнего палеолита (рис. 1).

Оба орудия по всем признакам можно отнести к ашельскому периоду. Представляется, что они древнее, чем изделия из позднеашельских горизонтов многослойной стоянки Кульбулак в долине Ахангарана. Такие древнейшие находки остаются пока единственными для района нижнего и среднего течения Чирчика.

Другое местонахождение каменного орудия открыто в том же году Г. А. Плужниковым на левом берегу среднего течения Аксакатасая (левый приток Чирчика). В начале мая 1977 г. была организована поездка на место находки, в которой участвовали ст. и с. Института защиты растений Министерства сельского хозяйства УзССР Г. А. Плужников, ст. и с. Института археологии АН УзССР М. Р. Касымов, ст. и с. Музея истории народов Узбекистана Л. И. Альбаум, сотрудники этого музея К. Алимов и др.

Эта находка, весьма интересная для выяснения обитания древнего человека в данном районе, представляет собой прекрасное мезьерское острие. Оно сделано из удлиненной, слегка изогнутой пластины кремнистого сланца коричнево-бордового цвета. Его длина — 12,4 см, ширина на основании — 2,8 см, толщина — 0,8 см. Острый конец обработан сравнительно крупными фасетками, а затем мелкой ретушью. Кроме того, оба продольных края обработаны сперва (местами) уступчатыми фасетками, а затем (плоско) мелкой притупляющей ретушью. В результате продольные края получились зубчатыми (рис. 2).

Можно полагать, что здесь была стоянка неандертальца, остаток которой оказались разру-

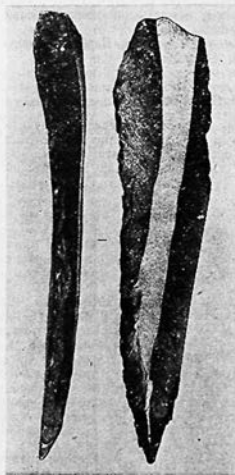

Рис. 2. Острие из удлиненной пластины с Аксакатасая.

шенными при прокладке современной дороги.

Описание находки пока остаются уникальными для указанного района. Но можно надеяться, что дальнейшие систематические исследования приведут к открытию здесь новых и более древних археологических памятников, ибо в бассейне Аксакатасая давно известны находки остатков костей различных животных, свидетельствующие о жизнедеятельности древнейших людей в бассейне Чирчика.

М. Касымов, К. Алимов

ИСТОРИОГРАФИЯ

К ИСТОРИОГРАФИИ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ КОМСОМОЛА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1918—1924)

Годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства составили один из важных периодов в истории молодежного движения нашей страны. К этому времени относятся также зарождение и становление комсомола в республиках Средней Азии. В историографии данной проблемы можно выделить три этапа.

Первый (1918 — середина 30-х годов) характеризуется интенсивным сбором документального материала. Большой вклад в это дело внес Туркистомол, организованный, как и Истомол, в 1921 г.¹ Туркистомол выработал и разослал на места Положение об истомолах. К активным участникам молодежного движения в Туркестане он обратился с просьбой написать воспоминания и статьи о первом периоде становления молодежных организаций края. Всем комсомольцам разъяснялась необходимость изучения и собирания материалов по истории молодежного движения в Туркестане. В этих целях были составлены специальные анкеты и инструкции².

К тому же времени относится выход первых агитационно-пропагандистских статей: научно-популярных очерков, брошюр³. В их числе следует отметить статью Финиса. Написанная в основном по воспоминаниям автора, она содержит интересный фактический материал об организации и становлении первого кружка социалистической молодежи в Ташкенте.

В лучших работах тех лет⁴ исторические факты излагались в тесной связи с насущными задачами текущего момента.

Появляется также литература по истории периферийных комсомольских организаций Туркестана. Здесь можно назвать работы Ф. Тарасова, Н. Хаймила⁵. Они построены на личных воспоминаниях авторов, которые были в числе первых комсомольских вожakov. Особенно интересна брошюра Н. Хаймина. В ней приводятся малоизвестные факты (правда, без ссылки на источники) из истории возникновения комсомольских ячеек в Закаспийской области (в Полторацке, Мерве, Чардаму и т. д.).

Истории организации первой комсомольской ячейки в Ташкенте посвящена работа Н. С. Мельникова, охватывающая период до I Всеузбекстанского съезда комсомола⁶. Книга написана уже на определенной источниковой базе. В частности, в ней использованы материалы опубликованных воспоминаний старых комсомольцев. Эта работа, по справедливому замечанию самого автора, явилась «одним из кирпичиков в фундаменте, который мы начали воздвигать по истории Среднеазиатского комсомола».

Таким образом, на первом этапе историографии молодежного движения в Средней Азии преобладают популярные очерки и мемуары. Им присущи описательный характер, отсутствие научно-справочного аппарата, слабое освещение деятельности периферийных организаций и т. д. Причиной тому служила узкая источниковая база, малочисленность научных кадров, их теоретическая неподготовленность. Первыми историками Среднеазиатского комсомола, как правило, были непосредственные участники молодежного движения. Вместе с тем их работы представляют значительный интерес, ибо содержат ценный фактический материал.

¹ См.: Трущенко Н. В. Некоторые проблемы научной разработки летописи ВЛКСМ. — Позывные истории, вып. 5, М., 1976, с. 133—134; Южный Ю. Пишите историю Союза. — «Известия ТуркЦИК», 1921 г., 2 июня.

² Южный Ю. Указ. статья.

³ Г. Ф. От кружка к Союзу. — «Новый мир», Ташкент, 1922, № 4—5, с. 167—171; Финис. Из первых этапов. К трехлетию Ташкентской организации КСМТ. — «Новый мир», Ташкент, 1922, № 2, с. 25—26, и др.

⁴ См., напр.: Колесников Л. Комсомольский Восток. Очерк комсомольских организаций Средней Азии. М.—Л., Изд-во «Молодая гвардия», 1925, 123 с.

⁵ Тарасов Ф. ...Первые шаги. Очерки комсомольского коллектива Красновосточных мастерских Среднеазиатской железной дороги. Самарканд — М., УзГПИ, 1929, 80 с.; Хаймин Н. Ленинский комсомол Туркменистана. Краткий очерк по истории юношеского движения в Туркменистане. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1929, 72 с.

⁶ Мельников Н. С. Из первых этапов (К истории ювреддвижения в Средней Азии 1918—1924 гг.). М.—Ташкент, СЛОГИЗ, 1933, 71 с.

Второй этап охватывает середину 30 — конец 50-х годов. До конца 40-х годов в литературе по истории комсомола преобладают небольшие брошюры и статьи. Так, полезным пособием для комсомольских пропагандистов и агитаторов явилась популярно написанная работа А. И. Зевелева⁷. В ней наглядно показаны повседневная помощь и руководство комсомолом Туркестана со стороны КПП и посланцев ЦК партии в Среднюю Азию — М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака и других; освещены специфические трудности, с которыми столкнулось молодежное движение в местных условиях. Но брошюра не могла еще дать полного представления о деятельности местных комсомольских организаций.

В 1949 г. вышел сборник «Комсомол Узбекистана — боевой отряд ВЛКСМ»⁸, где впервые в историографии этой проблемы используется довольно богатый источниковый материал, относительно полно представлены документы съездов и конференций комсомола Туркестана, сделана попытка их анализа. Большое место в книге отводится освещению деятельности А. С. Щербакова и других комсомольских работников Центра, приехавших в Ташкент в конце октября 1919 г. и развернувших огромную работу по организационному укреплению местных союзов молодежи. Но и этой публикации присущ некоторый схематизм. Сосредоточив внимание на анализе различных решений, постановлений, составители недостаточно показали, как они проводились в жизнь, как шла работа комсомольских ячеек на местах.

На втором этапе разрабатывается также история отдельных комсомольских отрядов республик Средней Азии⁹.

С конца 50-х годов, в условиях окончательной победы социализма в СССР, создавалась благоприятная обстановка для дальнейшего развития исторической науки, в частности историографии комсомола.

В этот период вышла книга А. Х. Хамидходжаева¹⁰, и ныне представляющая значительный научный интерес. В ней на большом фактическом материале показана многогранная деятельность Коммунистической партии по организации, слючению и политическому воспитанию советской молодежи, широко освещается участие комсомольцев и молодежи края в борьбе с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией. Автор уделяет большое внимание вовлечению в комсомол молодежи местных национальностей, показывает ее активное участие в социалистическом строительстве. Вместе с тем работа А. Х. Хамидходжаева не лишена отдельных недостатков, которые в свое время были отмечены рецензентами¹¹. Например, автору был сделан упрек в том, что он недостаточно раскрыл процесс создания сельских комсомольских организаций.

Вопросы истории комсомола края получили освещение в ряде фундаментальных трудов по истории партийных организаций республик Средней Азии¹². Попытка осветить их на уровне современных требований науки сделана также в коллективных сводных трудах по истории среднеазиатских республик эпохи социализма¹³. В них в основном правильно освещено становление комсомола Средней Азии и обобщены результаты исследования частных вопросов. Однако вполне понятно, что в таких

⁷ Зевелев А. И. К истории комсомола Узбекистана. Стенограмма прочитанной лекции. Ташкент, Изд-во «Транспортной рабочей», 1948, 34 с.

⁸ Комсомол Узбекистана — боевой отряд ВЛКСМ. Составители: Б. А. Каипов, А. И. Зевелев, Т. Т. Щадилов, А. И. Григорьев, В. В. Ершов. Ташкент, Госиздат, УзССР, 1949, 237 с.

⁹ Из истории комсомола Туркменистана. Составители: М. Моллаева, К. Ги. Новоселов, К. Аннакулов, М. М. Мурадов, М. Н. Мурадов, Е. Г. Кривских, Р. Базарова, К. Бердыев. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1959, 171 с.; Алескерова Ю. Н. Рождение комсомола Самарканда. Навстречу 40-летию комсомола. Сборник материалов. Самарканд, Изд-во УзГУ, 1958, с. 13—17, и др.

¹⁰ Хамидходжаев А. Организация комсомола в Туркестане. 1918—1920 гг. Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, 205 с.

¹¹ См.: Каримов И., Хасанов К. Ценный труд по истории комсомольской организации Туркестана. — «Звезда Востока», 1958, № 11, с. 145—146; Берзин Б. М., Халмухамедов М. Х. Книга о героическом комсомоле Туркестана. — «Правда Востока», 1957 г., 11 декабря; Фазылходжаев К. Страницы славного прошлого. — «Комсомолец Узбекистана», 1957 г., 10 сентября.

¹² История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1967, 783 с.; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1964; 2-е изд. — 1974, 768 с.; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Изд. 2-е, дополненное. Ашхабад, Изд-во «Туркменистан», 1965, 816 с.; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, Казгосиздат, 1963, 671 с.; Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душанбе, Изд-во «Ирфон», 1968, 454 с.

¹³ История Узбекской ССР. Т. III. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, 707 с.; История Киргизской ССР. Т. II. Кн. I. Фрунзе, Изд-во «Кыргызстан», 1968, 532 с.; История Советского Туркменистана. Ч. I. Ашхабад, Изд-во «Ылым», 1970, 469 с., и др.

обобщающих трудах все аспекты истории молодежного движения Средней Азии интересующего нас периода не могли получить полного освещения.

Большой интерес представляют публикации по истории комсомольских организаций отдельных среднеазиатских республик и областей. Число таких работ в последние годы значительно возросло¹⁴. Многие из них написаны на основе местных материалов. Так, статьи Э. Хаитбаева¹⁵ по истории возникновения комсомольских организаций в Ферганской области базируются на архивных данных, периодической печати тех лет, воспоминаниях организаторов первых комсомольских ячеек.

Ф. Салахутдинов¹⁶ и Н. Якубов¹⁷, занимающиеся вопросами истории молодежного движения в Самарканде, используют в своих работах воспоминания, местные периодические издания и др.

Большой интерес вызывает работа Ш. Б. Бабашева¹⁸, посвященная комсомолу Каракалпаккии. Автор использует воспоминания участников гражданской войны, руководителей местной комсомольской организации, вводит в научный оборот новые материалы центральных, республиканских, областных партийных архивохранилищ, архивов военных ведомств, а также газет и журналов.

Книга Р. Караева¹⁹ представляет переработанный и дополненный вариант его кандидатской диссертации. В ней уточнены некоторые детали и события, включены новые данные об участии комсомола в разгроме басмаческих банд, восстановлении народного хозяйства, об интернациональном воспитании молодежи и др.

Посвященная молодежи Хорезма кандидатская диссертация К. Абдуллаева²⁰ также написана в результате изучения и обобщения обширного фактического материала, почерпнутого из центральных и местных государственных и партийных архивов.

Интересные данные из предистории комсомольской организации Бухары приводит в своей статье Ю. И. Гласс²¹. В то же время он неверно указывает дату рождения Бухарского коммунистического союза молодежи, путая его с подпольной группой молодежи Бухары. Ошибочная позиция Ю. И. Гласса заключается в отождествлении социалистических организаций молодежи с коммунистическим союзом, предистории ВЛКСМ — с его историей.

Возникновению и развитию комсомольской и молодежной печати посвятили свои работы А. Сейфутдинов²² и Б. А. Геронимус²³. В значительной мере им удалось охарактеризовать первые молодежные периодические издания, показать активное участие молодежи в их работе, проанализировать публикуемые в них материалы.

В 1968 г. вышли в свет «Очерки комсомола Средней Азии» А. Х. Хамидходжаева²⁴. В них предпринята попытка дать научно обоснованную периодизацию возникно-

¹⁴ Рахманов Р., Касымбетов К. Из истории комсомола Андижана. 1919—1925 гг. — Записки научного студенческого общества Андижанского педагогического института, вып. 1, Андижан, 1961, с. 10—29; Шадманов Э. Участие комсомола в образовании БНСР. — «Сборник трудов кафедр общественных наук Каршинского государственного педагогического института и Самаркандского государственного университета», вып. 14, Самарканд, 1970, с. 172—176.

¹⁵ Хаитбаев Э. Возникновение комсомольской организации в Ферганской области (1918—1920 гг.). — «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 6, с. 39—41; его же. Создание и организационное оформление андижанской комсомольской организации (1919—1924 гг.). — «Труды Андижанского педагогического института», вып. 3, Андижан, 1964, с. 223—232, и др.

¹⁶ Салахутдинов Ф. Из истории молодежных революционных организаций в Самарканде (1918—1923 гг.). — «Научные труды Самаркандского медицинского института», т. 32, Самарканд, 1965, с. 117—132.

¹⁷ Якубов Н. Организационное оформление комсомола Самаркандской области. — «Труды Самаркандского университета», вып. 199, Самарканд, 1971, с. 233—343.

¹⁸ Бабашев Ш. Б. Делу Ленина и партии верны! (50-летию комсомола Каракалпаккии посвящается). Очерк за 50 лет. Нукус, Изд-во «Каракалпакстан», 1976, 83 с.

¹⁹ Караев Р. Комсомол Хорезма в 1920—1925 гг. Ашхабад, Изд-во «Ылым», 1970, 189 с.

²⁰ Абдуллаев К. Комсомол и молодежь Хорезма в борьбе за укрепление Советской власти в 1920—1924 гг. Канд. дисс., Ташкент, 1969.

²¹ Гласс Ю. И. К вопросу об организации комсомола в Бухаре. — «Научные труды ТашГУ», вып. 281, Ташкент, 1966.

²² Сейфутдинов А. Возникновение и развитие молодежной печати в Туркестанской АССР (1918—1924 гг.). Канд. дисс., Ташкент, 1973.

²³ Геронимус Б. Первые комсомольские журналы Узбекистана. — «Сборник научно-исследовательских работ Ташкентского текстильного института», вып. 13, Ташкент, 1961, с. 69—76; его же. Возникновение комсомольских газет и журналов в Туркестане. — «В помощь работникам местной печати», Ташкент, 1962, № 6, с. 19—23.

²⁴ Хамидходжаев А. Х. Очерки истории комсомола Средней Азии. Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 220 с.

вения и становления комсомольских организаций Средней Азии, показать их деятельность по упрочению Советской власти, участие в социалистическом строительстве. Автор уделит много внимания вопросам создания Средазбюро ЦК РКСМ и его руководства комсомольскими организациями среднеазиатских республик, участия возглавляемых им КСМТ, КСМХ и КСМБ в национально-государственном размежевании республик Средней Азии и формировании коммунистических организаций молодежи Узбекистана и Туркмении. Основная преимущественно на документальных источниках, эта работа представляет первую попытку научного исследования и обобщения деятельности комсомола среднеазиатских республик до их национально-государственного размежевания. В книге нашли отражение лишь главные события и факты из истории среднеазиатского комсомола, основные закономерности и особенности его деятельности. Определенным дополнением к этой книге служат работы, написанные А. Х. Хамидходжаевым в последующие годы²⁵.

Особую группу составляют исследования истории комсомольских организаций вузов²⁶. Большой интерес в этом отношении представляет публикация Н. Р. Косенкова и Э. Хаитбаева, посвященная комсомольской организации ТашГУ в первые годы его существования. В ней отражена как внутривузовская комсомольская работа, так и работа комсомольцев вне стен высшего учебного заведения.

Изучению интересующей нас проблемы во многом способствовала юбилейная научная сессия «Комсомол Узбекистана — боевой отряд ВЛКСМ», проведенная 22—24 апреля 1975 г.²⁷ В частности, представляют интерес сообщения П. Н. Клименко, Д. Джумаева, Э. Шадманова, А. Мирхаликова, И. Г. Коваль и др.²⁸ Материалы сессии положили успешное начало работе Института истории партии и ЦК ЛКСМУз по созданию капитального труда по истории комсомола Узбекистана.

Анализ литературы о зарождении и становлении комсомола Средней Азии показывает, что в ней раскрыты главные направления деятельности Коммунистического союза молодежи, дана характеристика его основных задач, подведены некоторые итоги его многогранной работы. В последнее десятилетие большое внимание уделяется изучению деятельности комсомольских организаций областей, городов и районов среднеазиатских республик. Вместе с тем историографический анализ свидетельствует, что ряд аспектов проблемы раскрыт еще слабо.

До сих пор нет фундаментальных трудов о партийном руководстве комсомолом и молодежью Средней Азии в исследуемый период; недостаточно разработана история борьбы с мелкобуржуазными течениями и группами; слабо показаны борьба сельских комсомольских организаций с кулачеством, феодально-байскими пережитками, участие комсомола в организации политического и культурного просвещения масс, в оборонно-спортивной работе и др.

Таким образом, научная разработка истории комсомола Средней Азии рассматриваемого периода нуждается еще в глубоком, последовательном изучении многих проблем на основе выявления и использования новых документальных источников.

В. А. Германов

²⁵ Хамидходжаев А. Х. Комсомол — помощник партии в борьбе за охрану труда и защиту прав молодежи (1921—1924 гг.). — «Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина», вып. 319, Ташкент, 1968, с. 11—13; его же. Претворение в жизнь ленинских заветов о молодежи. — «Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина», вып. 357, Ташкент, 1970, с. 134—142; его же. Комсомол Туркестана в борьбе за укрепление Советской власти против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. — «Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина», вып. 428, Ташкент, 1972, с. 175—183; его же. Деятельность комсомола Туркестанской АССР по воспитанию молодежи в духе пролетарского интернационализма. Ташкент, Изд-во «Еш гвардия», 1973, 29 с. (совместно с Б. Садыковым), и др.

²⁶ Из истории комсомола Ташкентского университета. Составители: А. Х. Хамидходжаев, Н. Р. Косенков, Э. Х. Хаитбаев, С. И. Гитлин, А. И. Абдусаматов, Ш. Джалилов. — «Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина», вып. 336, Ташкент, 1968, 178 с.; Косенков Н. Р., Хаитбаев Э. САГУ и его комсомольская организация в первое десятилетие своего существования. — «Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина», вып. 179, Ташкент, 1960, с. 5—105, и др.

²⁷ Комсомол Узбекистана — боевой отряд ВЛКСМ. Материалы юбилейной сессии. Ташкент, 1975, ротапринт. изд.

²⁸ Клименко Н. Н. Из истории организационного оформления одной из первых комсомольских ячеек Туркестана — Ташкентского тепловозного депо (1917—1925 гг.). — Указ. сборник, с. 55—57; Шадманов Э. Из истории комсомола БНСР (1920—1924 гг.). — Там же, с. 68—69; Джумаев Д. Из истории создания комсомольской организации Сурхандарьи. — Там же, с. 57—58; Мирхаликов А. М. Из истории борьбы комсомола Туркестана по укреплению местных Советов (1920—1924 гг.). — Там же, с. 64—67; Коваль И. Г. Из истории комсомольской печати. — Там же, с. 71—77.

ХРОНИКА

В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АН УЗССР

9 июня 1978 г. в Институте философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР состоялась конференция молодых ученых, посвященная 150-летию со дня рождения великого мыслителя, писателя, ученого-энциклопедиста Николая Гавриловича Чернышевского.

Со вступительным словом о значении наследия Н. Г. Чернышевского для современности выступила доктор филос. наук О. П. Умурзакова.

Присутствующие с большим вниманием заслушали доклады доктора филос. наук А. К. Валиева — «Н. Г. Чернышевский — выдающийся мыслитель, революционер-демократ» и доктора филос. наук Х. П. Вахидова — «Н. Г. Чернышевский и общественно-философская мысль народов Средней Азии конца XIX и начала XX в.». Докладчики подчеркнули значение трудов Н. Г. Чернышевского в истории общественной мысли, а также в развитии современной науки. Проф. Х. П. Вахидов привел новые интересные данные о роли русской революционно-демократической культуры, в частности творчества Н. Г. Чернышевского, в становлении и развитии прогрессивной общественно-философской мысли народов Средней Азии.

Сообщения аспиранта Э. Хакимова, младших научных сотрудников Э. Подольской, И. Глазковой, А. Яхьяева были посвящены философским и политическим взглядам Чернышевского, вопросам этики, эстетики и атеизма в его трудах. Особо отмечались значение творческого наследия Н. Г. Чернышевского в наши дни, его роль в идейно-политическом воспитании молодежи.

Экономические воззрения Н. Г. Чернышевского были раскрыты в сообщении младших научных сотрудников Института экономики АН УзССР Р. Каримова и Х. Хасановой, а вопросы права в его трудах освещены младшим научным сотрудником Института философии и права АН УзССР Д. Галеевой.

Конференция еще раз подчеркнула глубокий интерес наших ученых к наследию выдающегося мыслителя.

* * *

16 июня в Институте философии и права им. И. М. Муминова прошла конференция, посвященная 100-летию выхода в свет книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». Открывая ее, член-корр. АН УзССР М. М. Хайруллаев отметил, что появление книги «Анти-Дюринг» стало выдающимся событием в развитии марксистской теории. Она содержит богатейший материал по диалектическому и историческому материализму, политической экономии, теории научного коммунизма.

Доктор филос. наук Р. Х. Абдушукуров в докладе «Разработка вопросов научного коммунизма в произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» подчеркнул, что этот труд раскрывает сущность и всемирно-историческое значение революционного переворота, совершенного основоположниками марксизма в теории социализма.

Большой интерес вызвал доклад доктора филос. наук А. Ф. Файзуллаевой «Ф. Энгельс о диалектике количественных отношений», посвященный полемике Ф. Энгельса с Дюрингом о понятии «количество как однородность бытия».

В докладе канд. филос. наук С. Н. Абдуллаевой «О предмете материалистической диалектики» в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» прослеживается становление таких категорий диалектического материализма, как часть и целое, соотношение объекта и субъекта в познании, отрывные идеи теории отражения, которые получили дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина.

В заключительном слове директор Института философии и права АН УзССР М. М. Хайруллаев отметил непреходящее значение книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» для дальнейшего развития теории научного коммунизма, политической экономии, взаимосвязи философии с естествознанием.

Л. Исламова

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А. П. ОКЛАДНИКОВА

Один из основателей советской археологии Алексей Павлович Окладников родился 3 октября 1908 г. в деревне Тыпта Иркутской губернии, в семье сельского учителя. Интерес к археологии пробудился у него еще с юношеских лет. В 1924 г. он участвовал в организации краеведческого кружка в сельской школе-семилетке. К тому же времени относится открытие им нескольких стоянок каменного века на Верхней Лене. В 1925 г. А. П. Окладников переехал в Иркутск, где учился сначала в педагогическом техникуме, а потом — в пединституте. Впоследствии он работал ассистентом этого института и научным сотрудником Иркутского краеведческого музея. Одновременно продолжал археологические раскопки на Верхней Лене.

В 1934—1938 гг. А. П. Окладников — аспирант Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде¹, а в 1938—1949 гг. — ее старший научный сотрудник. С 1949 по 1951 г. он был заместителем директора Института археологии АН СССР и заведующим его Ленинградского отделения, в 1951—1961 гг. — заведующим сектором палеолита Института. С каждым годом ширится размах археологических работ экспедиций, организуемых и возглавляемых Алексеем Павловичем. За исследованиями на Верхней Лене (1924—1932) следуют экспедиции на Амур (1935) и Ангару (1932—1940). Итоги этих многолетних систематических изысканий изложены в двухтомном капитальном труде «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (ч. I—II, М.—Л., 1950; ч. III, М.—Л., 1955).

В 1940—1945 гг. А. П. Окладников руководил Ленской историко-археологической экспедицией, которая обнаружила многочисленные памятники палеолита, неолита, бронзового и железного века, позволившие воссоздать первобытную историю Якутии. Результатами этих исследований явились докторская диссертация Алексея Павловича, защищенная в 1947 г. («Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству», 1-е изд., Якутск, 1949; 2-е—М.—Л., 1955) а также три выпуска «Ленских древностей» (I—Якутск, 1945; II—Якутск, 1946; III—М.—Л., 1950). Работы в бассейне Лены в 1945 г. велись параллельно с раскопками на Таймыре («Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра», 1-е изд., М.—Л., 1948; 2-е—М.—Л., 1957), а в 1946 г. — по течению Колымы и на побережье Охотского моря.

Одна из самых ярких страниц творческой биографии А. П. Окладникова — его археологические исследования на территории Средней Азии. Он заложил основы первобытной археологии этого региона, дал периодизацию его древнейшей истории.

В 1938—1939 гг. в горах Южного Узбекистана им раскопан палеолитический грот Тешик-Таш с погребением мальчика-неандертальца. За монографию, посвященную этой находке («Тешик-Таш. Палеолитический человек», М., 1949), А. П. Окладников вместе с Н. С. Синельниковым и М. А. Гремящим в 1950 г. удостоен звания лауреата Государственной премии.

Важную роль в изучении каменного века юго-западной и северо-западной частей Средней Азии сыграл специальный IX отряд ЮТАКЭ, возглавляемый А. П. Окладниковым. Им открыты первые в Прикаспии хорошо стратифицированные памятники — Дам-Дам-Чешме-I, II, Кайлю и Джебел. Хронологическая схема их, предложенная А. П. Окладниковым, сохраняет свое значение и поныне. Составленная им стратиграфическая колонка Джебела, по сути дела, — первый опыт подобного рода для всей Средней Азии.

Из памятников, открытых А. П. Окладниковым в 1947 г., следует упомянуть позднемезолитическую (раннеолитическую) мастерскую по выделке бус около мыса Куба-Сенгир.

Возглавляемый Окладниковым отряд установил, что первобытная культура Туркмении служит соединительным звеном между древними культурами степных областей Средней Азии, Поволжья, Украины, с одной стороны, и предгорий Копет-Дага, Иранского нагорья и Двуречья, — с другой.

В 1953 г. под руководством А. П. Окладникова началось археологическое исследование Киргизии. Разведочными работами были охвачены окрестности Фрунзе и Томака, северный берег оз. Иссык-Куль и верхнее течение р. Нарын. На р. Он-Арча, правом притоке Нарына, были обнаружены обитые человеком гальки, близко напоминающие гальечные орудия Восточной Азии и датируемые эпохой нижнего палеолита. В других районах встречены стоянки конца неолита и начала эпохи бронзы.

Начиная с того же времени, Алексей Павлович в течение семи полевых сезонов руководил также археологическими изысканиями в Таджикистане. Здесь, в разрезе берега Вахша, у поселка Кызыл-Кала, был найден скребок высокой формы, свидетельствующий о существовании на территории Таджикистана верхнего палеолита, близкого к палеолиту переднеазиатского типа. Кроме того, были обнаружены изделия, которые А. П. Окладников определял как нижнепалеолитические.

¹ Ныне — Институт археологии АН СССР.

Помимо отдельных интересных находок, в восточной части урочища Кайрак-Кум было открыто палеолитическое местонахождение. Удалось установить примерный возраст находок (ашеле-мустьерский) и их облик, связанный с развитой левалдуазской техникой и близкий к леваллуа-мустье Ближнего Востока.

Весьма интересный материал получен при раскопках у источника Ходжа-Гор, на границе Таджикистана и Киргизии, близ кишлака Чорку. Обнаруженная там стоянка относится к средиземноморскому кругу верхнепалеолитических культур.

В 1956 г. исследования в Кайрак-Кумах были завершены. Их результаты позволили гораздо полнее охарактеризовать облик леваллуа-мустьерской культуры Средней Азии на сравнительно ранних этапах ее развития. В 1954 г. были открыты первые мезолитические памятники на юге Таджикистана. В полученных здесь материалах А. П. Окладников обнаружил много общего с комплексом мачайской индустрии в Узбекистане и раннеолитическими изделиями Джебела.

В 1956 г. в долине Вахша А. П. Окладников открыл два выдающихся памятника гиссарской культуры — Туткаул и Сай-Сай-ед, содержащие культурные слои от конца верхнего палеолита до эпохи бронзы.

В 1958 г. под руководством А. П. Окладникова осуществлялись раскопки пещерного памятника эпохи мустье — грота близ пос. Ходжакент в Приташкентском районе. Изучение его позволило установить первые вероятные связи между мустье и верхним палеолитом в Средней Азии.

Наряду с исследованием памятников древности в СССР, А. П. Окладников уделял большое внимание археологическим изысканиям в Монгольской Народной Республике. Первые полевые работы там он провел в 1949 г. С 1960 г. по настоящее время он ежегодно участвует в раскопках, предпринимаемых монгольскими учеными, и активно содействует подготовке кадров монгольских археологов.

В 1961 г. А. П. Окладников переехал из Ленинграда в Новосибирск и стал директором Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Он — главный редактор многолетнего издания «История Сибири», председатель Научного совета по истории Сибири и Дальнего Востока, а вместе с тем — руководитель и активный участник многочисленных археологических экспедиций.

Таким образом, А. П. Окладников внес первостепенный вклад в историко-археологические исследования огромных территорий. Весьма широк и их хронологический диапазон — от палеолита до железного века.

Алексей Павлович многое сделал и для подготовки молодых научных кадров. В течение ряда лет он читал курсы по археологии Сибири и Дальнего Востока на историческом и восточном факультетах Ленинградского университета, а ныне он — профессор, руководитель кафедры истории Новосибирского университета. Ученики Алексея Павловича работают во многих городах Советского Союза.

А. П. Окладникову принадлежит более 400 научных публикаций, в том числе 28 монографий. Многие его работы публикуются в среднеазиатских научных изданиях. Алексей Павлович до сих пор тесно связан со среднеазиатской археологией, активно участвует в подготовке кадров археологов для среднеазиатских республик.

Акад. А. П. Окладников приобрел широкую известность далеко за пределами нашей страны. Ряд его работ переведен на иностранные языки. Ему неоднократно приходилось представлять советскую науку в Японии, Дании и других странах.

Научная деятельность А. П. Окладникова высоко оценена партией и правительством. Он удостоен званий заслуженного деятеля науки РСФСР и Якутской АССР, награжден орденом Ленина, тремя орденами «Знак Почета», медалями, является дважды лауреатом Государственной премии.

Многочисленные коллеги, друзья и ученики желают Алексею Павловичу Окладникову крепкого здоровья, бодрости и новых творческих свершений.

МУНДАРИЖА

Асосий Қонун нормалари — ҳаётга!

Ф. Б. Капитульская. Меҳнат — социалистик турмуш тарзининг шаклланиши ва ривожланишининг асоси	3
У. С. Сидиқов, М. М. Ғойибназаров. Ўзбекистон ССР қишлоқларида меҳнат ресурсларидан эффектив фойдаланиш	10
А. А. Асқаров. Ўзбекистонда олиб борилган археологик текширишларнинг баъзи натижалари ва вазифалари	14
П. А. Грязневич. Беруний асарларида Жанубий Арабистон	24

Фан тарихидан

И. Ражабов. Атоқли хонанда ва бастакор	32
--	----

Илмий ахборот

Д. Э. Толипов. Ўзбекистонда маданий ренессансининг биринчи этапида ворислик масаласига доир	35
П. Н. Қалошин. Объект бутунилиги унинг булакларидан алоқанинг натижаси	37
А. Шарафиддинов. XIX аср охири — XX аср бошларида Ўзбекистон саноати тарихидан (Фарғона область материаллари асосида)	39
Е. А. Полякова «Тарих-и Вассаф» ҳақида баъзи маълумотлар	44
М. Қосимов, Қ. Олимов. Палеолит давридан нодир топилималар	47

Историография

В. А. Германов. Урта Осиё комсомолининг туғилиши ва ташкил топиши историографиясига доир (1918—1924)	49
--	----

Хроника

Л. Исломова. ЎзССР ФА Фалсафа ва ҳуқуқ институтида	53
Академик А. П. Окладников туғилган кунининг 70 йиллигига	54

СОДЕРЖАНИЕ

Нормы Основного Закона — в жизнь!

Ф. Б. Капитульская. Труд — основа формирования и развития социалистического образа жизни	3
У. С. Сыдилов, М. М. Гайбназаров. К вопросу эффективного использования трудовых ресурсов в сельской местности УзССР	10
А. А. Аскарлов. Некоторые итоги и задачи археологических исследований в Узбекистане	14
П. А. Грязневич. Южная Аравия в трудах Беруни	24

Из истории науки

И. Раджабов. Видный певец и композитор	32
--	----

Научные сообщения

Д. З. Талилов. К проблеме преемственности на первом этапе культурной революции в Узбекистане	35
П. Н. Калошин. Целостность объекта как результат взаимосвязи его частей	37
А. Шарифутдинов. Из истории промышленности Узбекистана конца XIX — начала XX века (На материалах Ферганской области)	39
Е. А. Полякова. Некоторые сведения о «Тарих-и Вассаф»	44
М. Касымов, К. Алимов. Уникальные находки эпохи палеолита	47

Историография

В. А. Германов. К историографии зарождения и становления комсомола в Средней Азии (1918—1924)	49
---	----

Хроника

Л. Исламова. В Институте философии и права АН УзССР	53
К 70-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова	51

Цена 40 к.

Индекс
75349